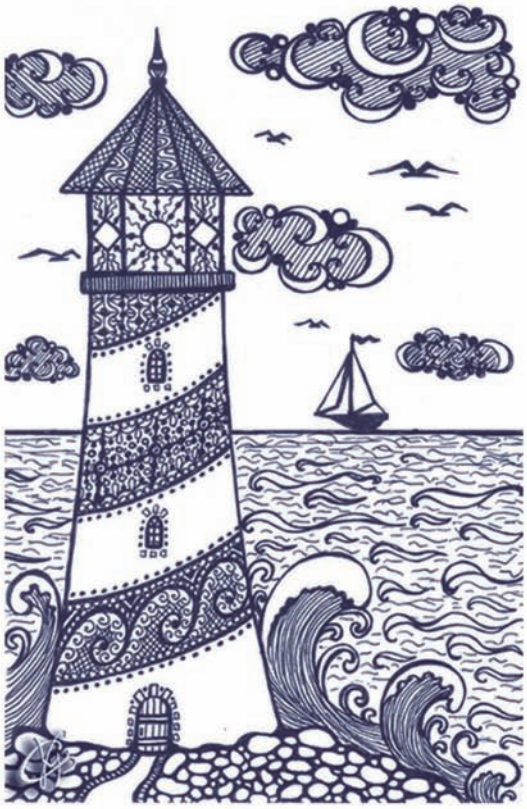
Маяк



Литературный альманах

No 1, 2018 г.

Маяк

Литературный альманах

No 1, 2018 г.

© Издательство Маяк, Гаага
ИСБН: 978-90-77820-46-9
Собрание литературных работ, посвященных вопросам духовного развития. Переводы трудов учеников Георгия Гурджиева Томаса де Гартмана и Мориса Николла; отрывки из работ современных христианских герметистов Константина Сереброва и Марии Тоонен; популярные статьи об астрологии; вопросы женской духовности; воспоминания о духовных переживаниях, определивших дальнейшее течение жизни; проза, поэзия.

Авторы материалов: Татьяна Тумилович, Дана Богданова, Татьяна Тарелкина, Татьяна Спасоломская, Константин Серебров, Любовь Столярова.
Переводы: Татьяна и Андрей Тумиловичи
Иллюстрации: Татьяна Спасоломская (Лабиринт; Леса жар-птицы; Тольтек и снегири; Угрюмов; Гудрон), Ирина Парамошкова (Девушка с кошкой), Илья Репин(Воскрешение дочери Иаира; Бурлаки на Волге; Автопортрет), Лена Александрова(иллюстрации к ее повести).
Фотографии: Вадим Шульц (Куклы к спектаклю «Нижинский, сумасшедший Божий клоун»), Евгений Рубинов («Кармен, моя Кармен»), Андрей Денников (фото из архива А.С. Денникова)
Обложка: Светлана Клейн
Редакторы: Татьяна Тумилович, Гурий Гозалов

Ваши пожелания и предложения принимаются по адресу tatiana417238@mail.ru

Все права защищены. Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена или размножена, в любой форме и любыми средствами, электронными и механическими, включая фотокопирование и запись, или сохранение в какой-либо воспроизводящей системе без письменного разрешения издателя.

Содержание

Круг идей Гурджиева
Воспоминания Ольги де Гартман о первой встрече с Гурджиевым. Перевод Татьяны и Андрея Тумиловичей
Морис Николл. Комментарий к усилиям. Перевод Татьяны Тумилович

Биография
Кукольник. Любовь Столярова
Илья Репин – богатырь русской живописи. Дана Богданова

Познавательная астрология
Что такое гороскоп? Татьяна Тумилович

Женская страничка
Ещё раз о женственности. Дана Богданова

Христианский герметизм
«Приключения Мастера Джи и его верных учеников Угрюмова и Гудрона в Долине Нигредо», приложение к Трилогии «Уроки Мастера Джи». Константин Серебров

Воспоминания
Лабиринт. Отрывок из книги «Космос моего театра». Татьяна Спасоломская
Повествование о меандровой ленте. Лена Александрова

Проза
Свобода выбора. Татьяна Тарелкина

I. Круг идей Гурджиева

Воспоминания Ольги де Гартман о первой встрече с Гурджиевым

Отрывок из книги Ф. и О. де Гартман «Наша жизнь с господином Гурджиевым»
Перевод с английского: Татьяна и Андрей Тумилович, г. Калининград

В феврале 1917 года мы жили в Царском Селе, резиденции царя, потому что моего мужа отозвали из запаса в его полк, чтобы выдвинуться на фронт в конце месяца. Был холодный зимний день, и мы сидели в нашем рабочем кабинете, каждый занятый своим делом. Муж передал мне текст, набранный на машинке, и спросил, не хочу ли я его прочесть. Я сразу же начала читать и когда дошла до того места, где говорилось, что никто не может посвятить тебя, кроме тебя самого, я остановилась и сказала мужу: «Если бы мы смогли найти человека, который это сказал, я была бы рада последовать его учению». Мой муж ответил, что он не только нашёл этого человека, но и уже встречался с ним. Вместо того, чтобы обрадоваться, я вспыхнула, укоряя его за то, что он мне ничего не сказал. Это была наша первая ссора... Но моё желание узнать больше об этом человеке было сильнее раздражения, и когда я успокоилась, я узнала, что он ещё вернётся из Москвы, и муж сможет встретиться с ним и взять меня с собой.

Наконец этот день настал. Встреча была назначена на половину восьмого вечера на квартире г-на и г-жи Успенских, с которыми я ещё не была знакома. Так совпало, что это был день рождения моей младшей сестры Зои, и родители давали для неё бал, на котором, конечно же, мы должны были присутствовать. Поэтому я накинула шубу на бальное платье и не снимала её весь вечер.

Поскольку мы были на встрече впервые, мы сели немного в стороне от остальной группы. Комната была не очень большой. Напротив турецкой софы сидели на стульях около пятнадцати человек. Но человека, которого мы так желали увидеть, в комнате не было. Всё для меня казалось странным, я была поражена тем, как искренне и просто общались эти люди. Доктор Шернвалл, который производил впечатление главы группы, спросил присутствующих, что они могут ответить на вопрос, который был задан им в прошлый раз. Вопрос был такой: «Что больше всего мешает человеку следовать по пути саморазвития?» Было несколько разных ответов. Один сказал, что это деньги, другой — слава, третий — любовь, и так далее.

Очень неожиданно — как чёрная пантера — вошёл человек восточной внешности, какой я ещё никогда не видела. Он подошёл к софе и сел на неё, скрестив ноги на восточный манер. Он спросил, о чём идёт речь, и доктор Шернвалл пересказал вопрос и ответы на него.

Когда он упомянул любовь, г-н Гурджиев прервал его: «Да, это правда, любовь — это самое сильное препятствие на пути развития человека».

В тот момент я подумала: снова то же самое, снова нам нужно разделиться, мы не можем думать о саморазвитии и оставаться вместе; я была очень встревожена.

Однако г-н Гурджиев продолжил: «Но какая любовь? У неё есть несколько видов. Когда это самолюбие, эгоистичная любовь или минутное увлечение, она мешает, потому что она ограничивает свободу человека, он не свободен. Но если это настоящая любовь, где каждый стремится помогать другому, это совсем другое дело; и я всегда рад, если муж и жена оба интересуются этими идеями, потому что они могут помогать друг другу».

Я едва ли могла поднять взгляд, но у меня было чёткое ощущение, что г-н Гурджиев смотрит на меня. Сегодня я уверена, что он сказал это специально для меня. Это было очень странное состояние, я была так счастлива. Потом мы должны были уйти и поехать на бал. Когда я вошла в бальный зал дома моих родителей, все уже танцевали. Я неожиданно почувствовала, как будто что-то ударило меня в грудную клетку. Танцующие люди показались мне куклами.

Через несколько дней мне выпала возможность поговорить с г-ном Гурджиевым наедине. Я не сильно этого желала, потому что люди говорили, что г-н Гурджиев будет спрашивать меня о том, чего я ожидаю от него; поэтому я колебалась, но, в конце концов, решила пойти. До того как я смогла хоть что-нибудь сказать, г-н Гурджиев спросил меня, как я себя чувствовала, когда пришла домой после встречи. Я не знала, как выразить своё переживание. Я даже тогда не сознавала, что это было переживание, но я сказала ему о странном чувстве, которое у меня было по возвращении на бал. Он ответил, что это хорошо, или что он доволен, я точно не помню. Помню только, что он был удовлетворён и сказал, что если мы хотим, мы с мужем всегда можем прийти к нему на встречу в любое время, когда он в Санкт-Петербурге. Я сказала ему, что мой муж должен ехать на фронт, и мы не можем больше оставаться в городе, что я хочу следовать за своим мужем столько, сколько мне будет позволено. Я также спросила, была ли какая-нибудь возможность для мужа избежать поездки на фронт. «Нет, - ответил г-н Гурджиев. - С волками жить, по волчьи выть; но вам не нужно увлекаться психозом войны, и внутренне вам нужно стараться быть далеко от всего этого».

Он спросил меня: «Вы вообще хотите вернуться на занятия? Чего вы ожидаете?» Я сказала, что не могу ему ответить — он будет смеяться надо мной. Он сказал мне очень ласковым тоном, каким иногда говорят с ребёнком: «Нет, скажите мне. Я не буду смеяться. Возможно, я смогу вам помочь». Тогда я сказала: «Единственное, чего я от вас хочу, это чтобы вы не разрушили моего счастья с мужем». Г-н Гурджиев не смеялся. «У вас, наверное, квартира с семью комнатами, - сказал он. - Но если вы заинтересуетесь вопросом, который привёл сюда вашего мужа, у вас, возможно, будет квартира, в которой сто семь комнат, и возможно, вы станете ещё более счастливой, чем сейчас». Я сразу же поняла, что моё счастье с мужем не будет нарушено — только мои горизонты станут больше, расширятся.

В углу стояла лестница. Г-н Гурджиев указал на неё и сказал: «Если вы начнёте подниматься, ступенька за ступенькой, то однажды вы окажетесь наверху, и вы уже никогда не упадёте снова. Также и с вашим развитием. Вам нужно будет идти ступенька за ступенькой и не воображать, что вы окажетесь на вершине лестницы в один момент».

В следующий раз, когда я разговаривала с г-ном Гурджиевым, я уже не была так напугана и сказала ему: «Г-н Гурджиев, я часто думаю о лестнице. Но я знаю, что у меня нет сил, даже нет желания забираться на вершину. Поэтому я решила, что будет лучше попытаться помочь моему мужу и вам достичь вершины лестницы, подталкивая вас сзади, потому что я вижу, что вы и мой муж очень этого хотите». И снова г-н Гурджиев не разозлился на меня. Он только сказал: «Я очень рад, что вы не эгоистка, что вы думаете больше о нас, чем о себе. Но посмотрите, вы можете подтолкнуть нас, возможно, со второй ступени на третью, с третьей на четвёртую, но дальше вы уже не сможете до нас дотянуться. Таким образом, для того, чтобы подталкивать нас дальше, вам тоже нужно будет подняться на одну или две ступени».

Леса Жар-Птицы

Вспоминая этот эпизод, я ясно вижу, насколько мудр был г-н Гурджиев. Если он говорил мне читать книги, прилагать усилия, или выполнять упражнения, которые он давал другим, я никогда ничего не делала или делала вполсилы. Но когда он напоминал мне, что я останусь внизу, а мой муж поднимется наверх, и я больше не смогу следовать за ним, быть с ним, или даже понимать его, это настолько меня пугало, что я сразу же начинала со всей силой делать всё, что говорил г-н Гурджиев.

Комментарий к усилиям

Бердлип, 19 декабря 1941 г.

Отрывок из книги М. Николла «Психологические комментарии к учению Гурджиева и Успенского», том 1. Перевод с английского: Татьяна Тумилович, г. Калининград

Часть I.—Когда человек в этой Работе перестаёт предпринимать какие-либо усилия, про него говорят, что он плывёт по течению. Плыть по течению – это значит жить без цели. В других случаях говорят, что человек заснул. Заснуть в Работе – это значит забыть о ней. Например, человек может настолько погрузиться в жизнь, что он забывает всё, что связано с Работой. Он тогда не просто плывёт по течению, он именно спит. В этой лекции я собираюсь поговорить с вами об усилиях. Вся Работа зависит от усилий. Она основана на усилиях, но на усилиях определённого рода.

В первую очередь различают два вида усилий — механические и сознательные. В общем смысле механические усилия — это то, что нас заставляет делать жизнь. Все животные, вся природа, вся органическая жизнь, малую часть которой мы составляем, должна совершать механические усилия. Возьмём нас, как пример. Если идёт дождь, мы должны открыть зонтик. Это именно то, что подразумевается под механическим усилием, и с помощью таких усилий мы приспосабливаемся к жизни.

Сознательные усилия – это усилия, не обязательные в жизни и не обусловленные жизнью. Т.е., жизнь не является их причиной; их источник не находится в жизни. Это означает, что для того, чтобы совершать сознательные усилия, необходим некий другой источник, другая первопричина, отличная от жизненных интересов. С помощью этой первопричины такие усилия и становятся возможными. Задавались ли вы когда-нибудь вопросом, действительно ли вы верите в то, что существуют влияния, не имеющие отношения к жизни и исходящие из другого источника? Позвольте напомнить вам, что говорит по этому поводу это учение. В жизни есть два вида влияний, названные А- и В-влияния. А-влияния создаются жизнью,

её столкновениями и разногласиями, её завистью и ненавистью, её амбициями, её войнами, её преступлениями, её коммерцией, её интересами, её законами и т. д. Но в жизни существуют и В-влияния, и они говорят на другом языке, потому что они исходят из источника, который находится вне жизни, из того, что называется С-влияниями, т.е. от людей, которые эволюционировали. С-влияния исходят не из круга механического человечества, а из круга сознательного человечества. Но С-влияния не могут напрямую достичь жизни. Они непонятны. У них другой язык, который мы должны изучать постепенно. Жизнь превращает их в В-влияния. Но суть в том, что эта система полностью основана на существовании этих других влияний, отдельных от жизни, названных В- и С-влияниями, а на самом деле она основана на С-влияниях. Вот почему мы должны изучать новый язык. Вы должны понять, что если бы у человека не было бы внутренней тайной судьбы, если бы человек не был семенем, и зачастую очень несчастным семенем, тогда для него не существовало бы ничего, кроме жизни и её интересов. Но внутренняя судьба человека не находится в жизни. Это семя, которым является человек, способно к собственной эволюции, и только некий определённый вид света и тепла может развить его, но это не солнечный свет и тепло, которые управляют внешней жизнью и являются её источником. Я говорю всё это, потому что если в вашем уме чётко не сформулируются эти две судьбы человека, очень сложно понять, о чём говорит эта Работа. Работа — это то, что называется Четвёртый путь, отличный от трёх остальных путей. Она протекает в жизни, и поэтому человек должен знать, как ему быть в жизни, как использовать жизнь и получать от жизни то, что он хочет, и в то же время как ему быть в Работе. Это возможно только для некоторых людей, обывателей или «хороших домохозяев», которые выполняют свои обязанности в жизни, но не верят в жизнь. Вы должны понять, что в Работе не требуется, чтобы вы покинули жизнь, или что-то в этом роде. Наоборот, Работа заставляет вас осознать, что вы должны использовать жизнь для опыта, насколько это для вас возможно. Но вы не должны доверять жизни, теряться в ней и думать, что цель состоит именно в жизненном опыте. Сознательные усилия — это усилия, направленные на то, чтобы пробудиться ото сна, вызванного жизнью в человечестве. Как вы знаете, пробуждение человека не в интересах природы, потому что тогда человек перестаёт служить её целям. Сознательные усилия были бы невозможны, если бы человек был просто продуктом природы, чья единственная задача – приспособиться к жизни. Я говорю это потому, что если вы сами не увидите и не убедитесь в том, что в жизни есть два абсолютно разных типа влияний, два типа вещей, два типа литературы, два типа исторических личностей, тогда вы не сможете совершать сознательные усилия, разве что в очень ограниченной степени. Это потому, что для того, чтобы делать усилия в личной работе, должен открыться эмоциональный центр, и должна быть задействована правильная его часть; а он не может работать правильно, если быть обращённым только к жизни и личным амбициям.

Делая усилия, нужно учитывать, из какой части себя эти усилия исходят. Например, человек может удерживаться от негативных эмоций на людях, потому что боится выглядеть дураком перед другими или потерять работу и т. д. Это механические усилия. Как только он окажется дома, он выразит свои негативные эмоции. Сознательное усилие совершенно другое и возникает в другой части человеческой психологии.

Когда человек чувствует существование А- и В-влияний и осознаёт, что для того, чтобы В-влияния существовали в жизни, необходимо существование С-влияний вне жизни, тогда он начинает чувствовать существование чего-то высшего, чем он сам. Это начало пробуждения эмоционального центра, и это делает сознательные усилия возможными. В противном случае человек будет ощущать только собственные эгоистичные эмоции и останется в узкой сфере самого себя.

Наиболее важное сознательное усилие — это помнить себя. Это всегда сложно, потому что все мы забыли себя очень давно, и это совершенно невозможно, если человек не ощущает высших влияний и не может увидеть отличия между А- и В-влияниями. У самовспоминания должен быть эмоциональная черта, не личностная, а более глубокая, или, если вам так нравится больше, высшая, чем обыденное «я». В самовспоминание входит фактор воли; не самоволия, а сознательной воли.

Существуют две стороны Работы, в которых можно делать усилия, и это единственные два направления, в которых может эволюционировать человек. Первая — это сторона знания и, в случае Работы, здесь усилие состоит в размышлении над идеями и в создании своей индивидуальной тесной внутренней связи с их значением. Нет ничего важнее, чем начать с этого. Человек должен думать, взвешивать, самостоятельно размышлять, воображать и создавать свои образы, своё собственное ощущение Работы, как истинную

точку опоры в самом себе. Ибо, как только точка опоры создана, можно исправить всё то, что неправильно. Работа тогда начинает излучать свет в уме человека. Вторая сторона — это сторона бытия. Усилия со стороны знания отличаются от усилий со стороны бытия. Это очень легко обнаружить самостоятельно. Человек может развиваться только в двух направлениях — в сторону знания и в сторону бытия, но эти два направления должны идти рука об руку. Результатом этого будет понимание. Как говорилось ранее, Работа должна основываться на понимании. Нельзя приспособиться к ней, как в случае с жизнью. Понимание — это самая мощная сила, которую мы можем в себе создать. В конечном итоге, нет ничего лучшего, чем понимание; и в Работе человек характеризуется своим пониманием. Человек — это и есть его понимание. Сегодня я хочу поговорить только об усилиях в отношении бытия. Повторю, что усилия, направленные на бытие, отличаются от усилий, направленных на размышления о знании этой системы. Чтобы сформировать понимание, две стороны человека, сторона знания и сторона бытия, должны быть объединены. Эта Работа даёт нам больше знания, чем у нас есть бытия. Очень сложно объединить это знание с нашим бытием. Однако задача в том и состоит, и в первую очередь необходимо ценить знание, любить его и желать. Знание может объединиться с бытием только через эмоцию, через некое желание, через готовность и открытость. Нужно желать то, что знаешь. Иначе знание не может объединиться с бытием. Вы не можете работать над своим бытием отдельно от знания, и вы не можете получить никакого практического знания, если не применяете его к своему бытию, и не можете его применить, — т. е. оно не может войти в вашу волю и тем самым воздействовать на вас, если вы этого не хотите. Обычное состояние человека таково, что он не хочет того, что он знает. Мы действуем, исходя из нашего состояния бытия, а не из наших знаний. В нас действует наша воля, которая вытекает из уровня бытия. Поэтому человек знает о хорошем, но поступает плохо, и до тех пор, пока он находится в этом состоянии, в нём нет единства, и поэтому нет понимания, ибо в нём существуют две разные стороны. Для того чтобы знание воздействовало на бытие, должно быть желание, восторг или удовольствие, потому что в идеях Работы говорится, что ничто не может перейти из стороны знания в сторону бытия без желания, удовольствия или стремления, т. е. без волеизъявления. Тогда человек будет хотеть жить с тем, что он знает, жить своим знанием, его воля и его знания начнут объединяться. Здесь начинается ценность Работы и её внутренняя основа. Всё в Работе начинается с умения ценить, а это значит хотеть чего-то, потому что вы не цените то, чего не хотите. С помощью воли, с помощью волеизъявления вы начинаете применять знания к своему бытию. И если вы их применяете, тогда знание начинает превращаться в понимание с помощью единства воли вашего бытия и знания вашего ума. Как вам известно, в этой системе у понимания есть чёткое определение. Понимание — это среднее арифметическое между вашим знанием и вашим бытием. Теперь вы видите, что одного только знания этих идей недостаточно. Очень заметно, когда у человека есть только знание этой Работы, но нет понимания. Если вы что-то понимаете, вы можете говорить об этом по-разному, разными словами; а если у вас просто знание, тогда вы просто повторяете фразы по памяти.

Теперь что касается усилий в бытии. Каждый должен каждый день совершать сознательные усилия в своём бытии, и особенно в данный период времени, когда каждый желает уснуть. Если вы хотите воспринимать жизнь как своего учителя, тогда, как было сказано в предыдущей лекции, вы должны каждый день, в течение определённого времени практиковать неотождествление с тем, что вам преподносит жизнь, неважно, преподносит она вам что-то приятное или неприятное. Жизнь требует только механических усилий, но если вы практикуете неотождествление, то ваши усилия будут сознательными. Только делайте их в течение некоторого времени, скажем, в течение часа сохраняйте сознательность, и внимательно себя наблюдайте. Например, поставьте себе цель ничему не противиться в течение часа. Это поможет вам увидеть, что такое неотождествление. Впоследствии вы сможете расслабиться в некоторой части Работы и делать то, что хотите, если вам это нравится. Но либо вы работаете, либо не работаете, знайте, что вы делаете. Не будьте между центрами. Не плывите по течению из-за отсутствия какого-то направления мыслей, и не засыпайте в это время. Расслабиться – это не обязательно заснуть.

Теперь поговорим о работе над особыми вашими чертами, т. е. над признаками вашего бытия, над типом человека, которым вы являетесь, и способом вашей реакции; и о совершении усилий относительно них. Сначала возьмём ваше негативное «я», вашу повседневную негативную эмоцию. Попытайтесь в первую очередь увидеть, что вы негативны, признайте это. Это само по себе помогает. Также, как вам известно,

эта негативная эмоция касается другого человека, из-за которого вы и стали негативны. Задайте себе несколько вопросов, например, таких:
(1) Считаю ли я, что кто-то плохо обошёлся со мной?
(2) Завидую ли я кому-то?
(3) Является ли это механическим неприятием?
Это поможет вам сформулировать для себя ситуацию. Теперь попытайтесь ответить на эти вопросы сами. А потом подумайте о том, что это такое – умение считаться с другими людьми. Умение считаться с другими означает умение поставить себя на место другого человека и осознать его или её трудности. Это один из способов трансформации жизни. Поэтому станьте человеком, который, как вы думаете, плохо с вами обошёлся, или человеком, которому вы завидуете и т. д. Попытайтесь сделать это искренне. Для этого требуются сознательные усилия. Визуализируйте себя как другого человека и переверните позицию, т. е. вы становитесь человеком, которого вы не любите, или ненавидите, или критикуете, и вы теперь смотрите на самого себя, как на другого человека. Как правило, если вы сможете это сделать, это очень быстро исцелит вас. Но если вы находитесь в разрушительном состоянии негативной эмоции, как временами бывает со всеми нами, ничего вам не может помочь, кроме осознания того, на что вы в данный момент похожи. Это больно. Но вы не сможете измениться без боли. Работа — это зеркало, и каждый в ней может помочь вам увидеть в зеркале самого себя.

Тольтек и снегири

Вы не поймёте этого, если не увидите себя в других и других в себе. Внимательность к другим людям, умение считаться с ними — главный способ работы с негативными эмоциями. Но необходимо понять, что это значит. Это зависит от создания зрительного образа. Для того чтобы научиться считаться с другими, требуется некоторое время. Сложно быть внимательным искренне, т. е. без усилий. Для этого всегда требуется много усилий, но это напрямую воздействует на бытие. Некоторые люди могут обнаружить, что у них нет никакой возможности считаться с другими, потому что они не могут представить себя кем-то ещё, а особенно человеком, которого они презирают. Со временем это затруднит для них Работу.

Теперь поговорим об усилиях при депрессии. Депрессия это не то же самое, что негативное состояние. Нужно заметить в депрессии одну интересную вещь, а именно, что она влияет на все центры, даже на инстинктивный. Депрессия – это не просто утрата надежды или веры в будущее, хотя это обычная причина. Депрессия может возникнуть просто от отсутствия любых усилий, из-за чего центры, так сказать, застаиваются; и с другой стороны, чем бы это состояние ни было вызвано, оно само по себе таково, что энергия в центрах закисает. Депрессия может возникнуть просто из-за образа себя самого, например, когда воображаешь себя, скажем, успешным, и обнаруживаешь, что это не так. Но какой бы ни была причина, состояние депрессии нужно распознать, и тогда её может преодолеть любой вид усилий. Я говорю усилия, потому что только усилия изменят состояние, даже если они состоят в выполнении вполне обычных мелких, но необходимых дел. Но это уже сознательное усилие вспоминания себя, и оно тут же выведет вас из депрессии. Причина в том, что оно вводит вас в рабочие «я», т. е. в те «я», которые чувствуют влияния Работы, и выводит из жизненных «я», в которых сконцентрирована депрессия. И здесь нужно добавить, что вы должны бороться для того, чтобы Работа продолжалась. Вы должны бороться, чтобы поддержать её живой, иначе она остывает.

Теперь рассмотрим вопрос о сознательном усилии в механичности. Это очень объёмная тема. Начните с разговора, внешнего и внутреннего. Разговор — это самая механическая вещь в человеке. Помните, что имеется в виду не только разговор во время события, но и разговор после него. Должен предупредить вас, что всегда заметно, когда человек плохо разговаривает. И под разговором подразумевается не просто произношение каких-то фраз, но и написание их, демонстрирование каким-то образом, с помощью интонации, жестов, намёков и пр. Намёк — это явный пример неправильного разговора. Наконец, разговор – это означает говорить внутри себя. Попытайтесь обдумать то, что вы сказали в течение дня, и потом подумайте о правилах. Люди часто заражают друг друга плохими разговорами, т. е. они опасны друг для друга. И помните, что о том, что я говорил кому-либо лично, говорить другим людям нельзя. Это правило.

Теперь возьмём другую механическую привычку. Сначала вы должны пронаблюдать, является ли она плохой, т. е. заставляет ли она вас засыпать. Есть хорошие привычки, которые механичны; зачем пытаться их менять? Найдите отличия между плохими и хорошими механическими привычками. Заметьте явные примеры, такие как лень, жадность и пр. Попытайтесь преодолеть их на короткое время, пока у вас есть на это силы. Никогда переходите в работе над собой за ту черту, когда она становится бесполезной, потому что тогда усилия перестают быть сознательными и, наоборот, становятся механическими. Со временем всё становится механическим. Помните это. Всё, что вы делаете сознательно, сохраняется для вас; всё, что вы делаете механически, потеряно, потому что вы этого не делаете. Поэтому усилия должны быть сознательными. На самом деле, в Работе нет механических усилий. Они существуют в жизни. Но есть такой класс усилий, которые в Работе называются усилиями для того, чтобы избежать усилий. Это означает, что люди совершают разного рода бесполезные и ненужные усилия, чтобы избежать тех усилий, которые требуются. Вспомните клоуна в цирке. Он бросается делать всякие бесполезные вещи. Этот клоун — мы сами. Но мы поговорим о бесполезных усилиях в другой раз.

II. Биография

Кукольник

Автор: Любовь Столярова, г. Москва

«Эти руки – мой хлеб», - говорит молодой человек с экрана и, светясь лучезарной улыбкой, протягивает свои ладони зрителю. На экране документальный фильм Елены Дубковой «Там, где бьется сердце», посвященный актеру и режиссеру Андрею Денникову (1978-2014). Руки как руки. Ничего особенного. Если не знать, что это руки, способные сделать живой неживую материю – куклу. Руки, способные у тебя на глазах превратиться в Лебедя из сюиты Сен-Санса «Карнавал животных» или стать Осенью С.А.Есенина («Осень – рыжая кобыла…»). Руки, в которых билось сердце Джильды и Риголетто, сгорала от гибельной страсти Кармен, давился старческим кашлем Скупой Рыцарь, корчился, исходя ядом зависти, Сальери, и из которых весело (так что по зрительному залу неизменно проносилось восхищенное «ах!») взмывала ввысь стайка птиц из золотой клетки пьяницы-Птицелова. Руки, воскресавшие Моцарта и Есенина. Руки, тормошившие, обнимавшие, поднимавшие с земли … пустую солдатскую шинель так, что ты знал – в ней убитый на Великой войне красноармеец, боевой товарищ, чей-то сын, муж или брат, любимый или друг. Руки, взмывавшие ввысь самолетиком, в котором под грохот разрывающихся снарядов и рев фашистских бомбардировщиков уносится в Небо то ли сам Сент-Экзюпери, то ли его Маленький Принц. Руки, умевшие передать танец Айседоры Дункан и чарующую пластику Вацлава Нижинского. Руки, способные за один только спектакль «Исповедь хулигана» о поэте Сергее Есенине сыграть 40 кукольных ролей, а точнее – оживить 40 жизней (человеческих и животных) от Коровы и Собаки, до Пушкина, Матери, Анны Ахматовой, Зинаиды Гиппиус, Ленина и Троцкого, Сталина, Блока, Весны, а также расстрелянной семьи императора Николая II и даже… Крейсера Авроры. Руки Андрея Денникова. Руки выдающегося актера-кукольника и режиссера, сумевшего за свою короткую, трагически оборвавшуюся жизнь (всего 36 лет!), создать свой неповторимый синтетический Театр.

Кукольник… Звучит немного легкомысленно, немного по-детски, не правда ли? А для него кукла - целая философия, на которой зиждился его особый мир. Игра нюансов и смыслов. Где главное - не живая или неживая материя перед тобой, не то, кукла или человек перед тобой, а выразительное средство. Форма, за которой глубинный смысл. А еще – необычайный природный талант, редкостная одаренность и титанический, изматывающий (но для него такой целительный и радостный!) труд. «Театр – это квинтэссенция всех возможных искусств», - говорил он. Так и было.

Его театр - сложнее обычного драматического. Как и кукловождение в рамках игры актеров живым планом - неподъемное по тяжести дело для обычного актера, будь он хоть 1000 раз актер «взрослого», а не «кукольного» театра. Театр Денникова - особый. И когда его сводят к тому, что Денников-режиссер де вывел актера из-за ширмы и заставил куклу играть с живым человеком - мне смешно и грустно. Насколько все сложнее... Насколько все от «А» до «Я» - от эскиза до сценического воплощения - работает на одну за-

дачу: разбудить Человека в человеке... Конечно, больше, чем кукольник. И конечно, больше, чем актер, и больше, чем художник. Он сам - ТЕАТР.

Андрей Денников

Да, актер, режиссер, балетмейстер, танцор и певец, которому была подвластна вся гамма человеческих голосов от мужского бас-баритона до женского колоратурного сопрано, он сам был целым театром. А еще он был историком (по первому – университетскому - образованию) и драматургом, создавшим несколько пьес и осуществившим (как режиссер) их сценическое воплощение. Художником и скульптором, придумавшим, создавшим эскизы и даже слепившим своих необыкновенных кукол, а также сшившим им парики и одежды.

Искусство кукловождения было доведено им до совершенства. Театр стал образом жизни, а служение ему – философией и внутренним миром. Яркий, остроумный, блистательный, Денников собрал вокруг себя труппу одаренных артистов, которые и теперь вспоминают работу с ним как чудо и счастье, ярчайшее событие их творческой жизни. Самые талантливые из них покинули театр после его смерти: так высока была заданная им планка и такой серой оказалась осиротевшая без него сцена. Его всегда окружали друзья и единомышленники.

Из спектакля «Кармен, моя Кармен»

Актеры, художники, сценографы, балетмейстер и педагог по академическому вокалу вместе с ним возводили и строили его синтетический Театр. Он купался в любви своих друзей и зрителей и трепетно боготворил воспитавших и бережно хранивших его самого и его дар маму и бабушку. Ему дарила свою дружбу великая Екатерина Максимова. Ему посчастливилось выходить на сцену с Евгенией Рубановской и Верой Васильевой, а они почитали этого «мальчика» за корифея театра, выдающегося режиссера и даже… своего Учителя. Ему рукоплескал весь мир, он стал обладателем премии «Триумф» и лауреатом «Золотого витязя». Первая написанная о нем статья вышла под говорящим заголовком «Спешите видеть!» (автор – А.Минкин). И мы спешили. Его творческий дар благословил выдающийся театровед Б.Поюровский, заметивший однажды, что отчество Денникова – Сергеевич – выдает в нем истинного наследника создателя Академического театра кукол в Москве Сергея Владимировича Образцова («…Я, конечно, не кудесник и не слишком придаю значение всевозможным совпадениям. И все-таки часто задумываюсь, почему у Вас такое отчество? Может быть, Вы и в самом деле являетесь наследником по прямой?»). И он действительно был этим наследником по прямой. Не таким как все. Особым. Уникальным. Ни на кого не похожим. Гениальным творцом.

Он испытал невыразимую боль предательства. Его убивали завистью и бессильной злобой. Его жизнь Художника и Творца на сцене ГАЦТК им. С.В.Образцова уместилась всего в 8 режиссерских и 11 актерских лет. После 2008 г. Андрею Денникову в его родном театре не дали поставить ни одного спектакля, а летом 2011 г. он в последний раз вышел на сцену как актер. Между «Молодыми годами короля Людовика XIV» - комедии о «короле-Солнце» (постановка 2001 г.) и «Нижинским» (2008 г.) - драме о рабстве заключенного в больное тело творца – не только творческий путь короля театра кукол, но и беспощадная, неотвратимая болезнь и боль, высочайший взлет и лебединое крыло, которое никто и ничто – ни болезнь, ни завистники так и не сумели сломать. 14 спектаклей-шедевров, поставленных Денниковым на профессиональной сцене, стали историческим фактом, но не историей. Ибо они живы. Их будут смотреть. О них будут говорить. О них напишут книги. И их будут изучать студенты в театральных вузах. В его домашнем архиве бережно хранятся написанные им пьесы и театроведческие исследования, созданные им эскизы кукол. На книжных полках – больше десятка папок с замыслами неосуществленных постановок, в которых отражены его идеи и планы. Уверена, что все это еще будет. Как есть хореография Петипа или музыка эпохи Возрождения. Как есть небо с облаками-барашками и где-то там, в вышине - есть Маленький Принц Экзюпери.

Куклы к спектаклю «Нижинский, сумасшедший Божий клоун»

Ему удалось невероятное: его театр, его искусство живо и после его безвременного ухода. Оно проросло в наши души, и по-прежнему вызывает слезы очищения и радости. О нем сняты фильмы и написаны статьи, ему посвящены книги. Во многих городах России (в Москве, Рязани, Петрозаводске, Шахтах) ежемесячно и несколько лет подряд при полных аншлагах проходят показы… всего лишь видеозаписей его спектаклей. География этих показов неуклонно расширяется. Люди узнают Театр Андрея Денникова и остаются его

зрителями навсегда. Ибо его Театр, его искусство вобрало в себя лучшие традиции русского и мирового драматического театра, соединившись с волшебством театра кукол. Его дар – дар Божий, и он бессмертен. А по большому счету говорить об Андрее Денникове можно только стихами Светланы Колосовой. Любившей и любящей его преданно и нежно, так, что он не мог не быть счастлив:

«О как же до хрустальности хрупка
Хоть кажется порой скалой нетленной,
Той данностью, что в мире на века,
Но как же до щемящего мгновенна!
Как странно сознавать, что эта жизнь
Лишь вздох, лишь всплеск один в безбрежном море!
Чем удержать ее, мой Ангел, подскажи…
И он ответит мне – «Одной любовью…»» .

Илья Репин – богатырь русской живописи

Автор: Дана Богданова, г. Санкт-Петербург
В статье использованы материалы с сайта http://ilya-repin.ru

Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений.
М. Глинка

Я посетила Государственный Русский музей Санкт-Петербурга для того, чтобы посмотреть на картины Айвазовского, ибо была поражена его маринами. Но увидев там картины Ильи Репина, я не могла не отдать своё сердце великому мастеру. Перед полотном «Воскрешение дочери Иаира» я стояла тогда особенно долго. Эта картина была настоящей. Девочка в белых одеждах на белом ложе, увитая белыми цветами, на самом деле была мертва – это только тело, которое уже покинул дух, но рядом с ней стоит Христос, и он уже взял её слабую безвольную руку своей рукой, готовый произнести те самые слова: «Девица, тебе говорю, встань». А сзади родственники в скорби и смятении, особенно отец, отчаянно надеющийся на чудо. Цельность сюжета и всего полотна, умело переданное настроение присутствующих, и всё живое, казалось, будто шагни вперёд, и окажешься там, вместе с ними…

Воскрешение дочери Иаира

Заинтересовавшись Репиным, я, с интересом пересмотрела все его картины в музее, а потом стала изучать его жизнь и творчество. Каким он был, этот великий человек?

Биографию Ильи Ефремовича можно найти в любом учебнике искусствоведения. Но писать о нём всё равно хочется, потому что мир его творчества – это мир неведомый и прекрасный, познавать который одно

удовольствие. Мы знаем, что он родился 24 июля 1844 года в Харьковской губернии в слободе Осиновка у города Чугуева. Он был сыном военного поселенца, а мальчиков из таких семей от рождения причисляли к полку, т.е. очевидной судьбой Ильи была армия. Но, видимо, тяга к рисованию была изначально заложена в нём, потому что когда в один из дней на рождественские каникулы приехал двоюродный брат Трофим, у которого с собой были акварельные краски, в душе Ильи проснулся художник. Он начал мечтать о живописи и всегда стремился рисовать что-либо тем, что было под рукой. Однажды мальчик заболел, и пришедшая в гости соседка пообещала ему все сладости рая, в ответ будущий мастер спросил, будут ли в раю краски и бумага.

Первыми его учителями стали художники-иконописцы Л. И. Персанов и И. М. Бунаков. Уже в 17 лет Репин получал самостоятельные заказы на образа и портреты. С 15 лет он мечтает о поступлении в Академию художеств в Петербурге и усердно готовится к поступлению, занимаясь по уставу Академии. От Единственным препятствием стала нехватка денег: его отец разорился, и все заработанные средства уходили на поддержку семьи. Наконец ему удалось заработать денег на дорогу, написав иконостас для церкви в селе Сиротино Воронежской губернии, и Репин в 1863 году отправился в Петербург. Первые месяцы пребывания в столице он жил в нужде, зарабатывая заказами в иконописных мастерских и уроками рисования. За обучение в Академии платил покровитель юноши Ф.И.Прянишников. Также Репин стал членом Артели художников И. Н. Крамского, живописцы которой придерживались концепции реализма, именно той, что назначением искусства является отражение жизни. Там Илья Ефремович и впитал в себя это убеждение. Да и что может быть более сложным, чем изображать жизнь такой, какая она есть, если уметь увидеть её глубину, духовный и душевный мир? Репин был непревзойдённым мастером портрета, глубоко чувствующим внутренний мир своих моделей, и делающим его видимым и понятным для других. Как только ему удавалось найти нужную позу и нужный жест, чтобы показать суть человека? Каждый герой его картин живой и настоящий, выраженная индивидуальность.

В одном из писем П.М.Третьякову художник излагает свою главную задачу – писать портреты «лиц, дорогих нации, её лучших сынов, принесших огромную пользу своей бескорыстной деятельностью, на пользу и процветание родной земли, веривших в её лучшее будущее и боровшихся за идею». И очень интересно обратить внимание на то, как работал мастер над своими картинами. «Картина есть глубоко сложная вещь и очень трудная, - утверждал сам И. Репин. - Только напряжением всех внутренних сил в одно чувство можно воспринять картину, и только в такие моменты вы почувствуете, что выше всего правда жизни». Художники пишут, черпая образы не из своего воображения, несмотря на убеждения многих современных авторов. Лучший материал для полотен предоставляют люди и сама жизнь. Давайте взглянем, как, работая над своим шедевром «Бурлаки на Волге», Репин полностью погружался в свой замысел.

Вот история зарождения «Бурлаков».

В один из погожих летних дней художник К. Савицкий уговорил Репина отправиться с ним на этюды. Они плыли вверх по Неве на пароходе в компании веселящихся офицеров, студентов и нарядных барышень... Далее цитируется из воспоминаний Репина.

« — Однако, что это там движется сюда, — спрашиваю я у Савицкого...— Вот то темное, сальное какое-то, коричневое пятно, что это ползет на наше солнце?

— А! Это бурлаки бечевой тянут барку; браво, какие типы! Вот увидишь, сейчас подойдут поближе, стоит взглянуть.

Приблизились. О Боже, зачем же они такие грязные, оборванные? У одного разорванная штанина по земле волочится, и голое колено сверкает, у других локти повылезли, некоторые без шапок; рубахи-то, рубахи! Истлевшие — не узнать розового ситца, висящие на них полосами, и не разобрать даже ни цвета, ни материи, из которой они сделаны. Вот лохмотья! Влёгшие в лямку груди обтерлись докрасна, оголились и побурели от загара... Лица угрюмые, иногда только сверкнет тяжелый взгляд из-под пряди выбившихся висячих волос, лица потные блестят, и рубахи насквозь потемнели... Вот контраст с этим чистым ароматным цветником господ!..

— Вот невероятная картина! — кричу я Савицкому.— Никто не поверит! Люди вместо скота впряжены! Савицкий, неужели нельзя как-нибудь более прилично перевозить барки с кладями, например, буксирными пароходами?

— Да, такие голоса уже раздавались,— Савицкий был умница и практически знал жизнь.— Но буксиры дороги; а главное, эти самые вьючные бурлаки и нагрузят барку, они же и разгрузят её на месте, куда везут кладь. Поди-ка там поищи рабочих-крючников! Чего бы это стоило!

Я был поражен всей картиной, и почти не слушал его, всё думал. Всего интереснее мне казался момент, когда черная потная лапа поднялась над барышнями, и я решил непременно писать эскиз этой сцены».

Бурлаки на Волге

Яркое впечатление от увиденной сцены стало толчком к написанию картины. А после этого Репин дважды ездил на Волгу, общался, и подружился с героями будущей картины. Он немного изменил первоначальный замысел, фон картины; контраст оборванных бурлаков с разряженными барышнями на пароходе, который дал ему первоначальный импульс, оказался в процессе работы неинтересным. Так и возникла картина, какой мы её знаем: летнее небо, янтарный песок, раскалённый палящим солнцем, и бурлаки в рваных лохмотьях, притягивающие взгляд.

Взгляните на них внимательнее: это всё люди простые, которых теперь принято считать серой массой или отбросами общества. Но это ли изобразил художник? Ведь они все люди, и люди разные, каждый из них личность, у каждого свой характер, биография, внутренний мир, наконец, своё отношение к жизни и той треклятой бечеве, что связала их с ней. У них даже имена есть. Впереди идут «коренники» (лошадиное название, а труд бурлаков ценился в то время ниже, чем лошадиный), самые опытные и сильные бурлаки, возглавляющие ватагу. Самым первым идёт Канин, поп-расстрига, всё повидавший на своем веку, всё переживший; рядом с ним кудлатый, нечёсаный, весь заросший бородой добродушный бурлак. Слева и чуть сзади от Канина — Илька-моряк. Голова повязана тряпкой, широкие штаны, он круто подался вперед, налегая на лямку, и смотрит прямо на зрителя острыми, внимательными глазами с бешено сверкающими белками. За Илькой — высокий худой бурлак в соломенной шляпе с трубкой в зубах, недобрый, озлобленный... Во второй группе останавливает внимание взгляд притягивает Ларька — высокий парнишка в лохмотьях выцветшей, бывшей когда-то красной рубахе, и с крестом на груди. Поправляя лямку, он замедлил шаг, выпрямился, и теперь его высокая стройная фигура словно встала поперёк движения бурлацкой ватаги. Ларька молод, он не привык ещё к лямке и не хочет с ней смиряться, он поправляет свой хомут и в то же время будто сбрасывает его. Справа от него — худой, измождённый, вконец обессиленный бурлак, утирающий рукавом взмокший лоб; слева — старик, видно, не раз исходивший Волгу с низовья до верха, опустив глаза, он привычным движением развязывает кисет, набивает трубку. Замыкают ватагу трое — отставной солдат в низко надвинутом на глаза картузе, высокий смуглый бурлак, повернутый к зрителю в профиль, и мужичонка, буквально повисший на лямке, с трудом передвигающий ноги.

Какие сильные и цельные характеры, сколько в них жизни и своеобразия! Таких не выдумаешь, их надо было найти, узнать, понять и только потом написать. Вот, к примеру, как рассказывает Репин в своих воспоминаниях о его любимом герое картины — Канине: «Вот этот, с которым поравнялся и иду в ногу — вот история, вот роман! Да что все романы и все истории перед этой фигурой!.. Какая глубина взгляда, приподнятого к бровям, тоже стремящимся на лоб. А лоб — большой, умный, интеллигентный лоб, это не простак... Я иду рядом с Каниным, не спуская с него глаз. И все больше и больше нравится он мне: я до страсти влюбляюсь во всякую черту его характера и во всякий оттенок его кожи и посконной рубахи. И вот я добрался до вершины сей моей бурлацкой эпопеи: я писал, наконец, этюд с Канина! Это было большим моим

праздником. Передо мной мой возлюбленный предмет — Канин. Прицепив лямку к барке и влезши в неё грудью, он повис, опустив руки... Здесь, у самого берега, я свободно отводил душу, созерцая и копируя свой совершеннейший тип желанного бурлака. Канин, с тряпицей на голове, с заплатками, шитыми его собственными руками и протертыми снова, был человек, внушающий большое к себе уважение».

«Бурлаки» сделали Репина великим, поскольку в те времена осознание несправедливого, невыносимого гнёта, под которым влачил своё существование простой люд, становилось все более отчётливым. Картина привлекла к себе внимание всего русского общества. Его не только восхваляли, но и порицали, как, например, министр Зеленой, который настаивал, чтобы руководство Академии внушило «этим господам нашим пенсионерам, чтобы, будучи обеспечены своим правительством, они были бы патриотичнее и не выставляли бы отрепанные онучи на показ Европе на всемирных выставках...». Но эта критика не помешала картине стать воистину шедевром классической живописи, на который смотрели, смотрят и будут смотреть ещё многие зрители, и который будет волновать сердца почти уснувших в однообразии людей.

За картину «Воскрешение дочери Иаира» Илья Репин получил золотую медаль, и это открыло ему дорогу в Европу. Это было в 1872 году. Но только после окончания «Бурлаков» в 1973-м он отправился в Италию, а потом в Париж. Там Репин с интересом посещал выставки, частные коллекции, музеи, его очень интересовали работы импрессионистов, но в своих картинах он использовал иные живописные техники и продолжал идти своим путём. Вернувшись в Россию, Репин написал серию картин на крестьянскую тему: «Возвращение с войны», «Проводы новобранца», «Мужичок из робких» и др. После этого его заинтересовала историческая тема – «Царевна Софья», «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года». А в 1870-1880-х годах он стал сочувствовать революционерам-народникам, так появились картины «Арест пропагандиста», «Отказ от исповеди», «Не ждали».

В 1890-х годах у Репина начался творческий кризис. К тому времени он написал почти триста портретов писателей, деятелей культуры и учёных, своих друзей и родственников. Но заканчивая работу над картиной «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», он почувствовал, что у него отнимается правая рука. Её работоспособность возобновилась только временно, уже в 1907 году Репину пришлось рисовать левой рукой. Он, однако, не оставлял своего дела, порой по 10-12 раз переписывая каждую картину, чтобы довести её до совершенства. Друг художника К. И. Чуковский говорил позднее, что не только старость, но и саму смерть Репин побеждал своею страстью к искусству. Великий мастер скончался 29 сентября 1930 года, до последних дней продолжая работать над картиной «Гопак», которую ему так и не удалось закончить. Незадолго до смерти он писал Чуковскому: «Прежде всего, я не бросил искусства. Все мои последние мысли о Нём». С этим он жил и с этим окончил свой путь.

III. Познавательная астрология

Что такое гороскоп?

Татьяна Тумилович, г. Калининград

Astra regunt fatuos, sapiens dominabitur astris –
звёзды правят судьбами, а мудрый – своими звёздами.

Сейчас почти все уже привыкли к тому, что гороскоп – это прогноз событий для всех знаков Зодиака на неделю/месяц/год, напечатанный в глянцевом журнале. Читая подобные прогнозы, люди с удовольстви-

ем цитируют их, если прогноз им кажется благоприятным, и с не меньшим удовольствием заявляют, что астрологи – шарлатаны, если прогноз им не нравится. Но подобные «общие космограммы» имеют мало общего с подлинными астрологическими прогнозами, будучи несложным набором психологических и социальных клише, которые комбинируются так же спонтанно, как стеклышки калейдоскопа.

Конечно же, астрология не ограничивается исследованием и анализом влияния звёзд и планет на судьбу отдельного индивидуума: звёзды и планеты влияют также и на судьбы стран, народов, погоду, урожай и многое другое. В этой краткой статье я сосредоточусь на так называемой натальной астрологии, которая и является великой, а главное, точной наукой о человеке и его психологии. Гороскопом называют натальную карту человека, т.е. его индивидуальное расположение планет на эклиптике в момент рождения, с учётом восходящей над горизонтом точки эклиптики (Асцендента), и карты так называемых астрологических домов. Положение планет в знаках Зодиака и аспекты (определённые угловые расстояния) между ними показывают характер данного человека, его индивидуальную программу бытия, а расположение планет в домах говорит о том, как именно эта программа будет распределена по сферам жизни. Исходя из этого, очевидно, что астрологический прогноз событий на определённый период уникален и делается для каждого человека лично.

Некоторые люди говорят, что не верят астрологам, и что в их жизни астропрогнозы не сбывались. Но, как показывает практика, большая часть этих людей подразумевает вышеупомянутые прогнозы из газет и журналов, и не имеет даже представления о том, что такое гороскоп, сделанный профессиональным астрологом, не говоря уже об интерпретации гороскопа, которая является ещё более сложной наукой, чем его составление, её можно даже назвать искусством. Поэтому можно утверждать, что у людей отсутствует представление о том, каким образом и в какой степени их жизнь определяется планетарными влияниями. Астрология имеет дело с анализом одного из сущностных бинеров человека: свобода и рок. Предопределена ли судьба человека, или человек творит свою судьбу, и в какой степени? Действительно, многие события жизни и наши качества и способности предопределены звёздами заранее, например, тяжёлые болезни или травмы, богатство или бедность, склонность человека к гуманитарным или техническим наукам, популярность или её отсутствие, выбранную профессию и многое другое. Но всё же человек наделён свободной волей, и если он активен в жизни и старается изменить себя в соответствии с более высокими принципами, которые увеличивают степень его свободы, если он осознает свои внутренние установки, может гибко уклоняться от ловушек и преград дурной бесконечности и может судить о плодах уже по завязи, тогда он становится творцом, соавтором своей судьбы. Как гласит древняя мудрость, счастлив тот, кто может свою судьбу пережить, а не перестрадать.

Лично для меня наилучшей иллюстрацией действия планетарных влияний является цитата из книги П.Д.Успенского «В поисках чудесного» (глава 17):

«Мы шли по парку. Нас было пятеро, не считая Гурджиева. Один из нас спросил, каково его мнение об астрологии, есть ли что-нибудь ценное в более или менее известных астрологических теориях.

- Да, – сказал Гурджиев, – но всё зависит от того, как их понимать. Они могут оказаться ценными, а могут и бесполезными. Астрология имеет дело лишь с одной частью человека: с его типом, с сущностью, и не касается его личности, приобретённых качеств. Если вы поймёте это, вы поймёте, в чём заключается ценность астрологии. …

Мы продолжали идти, а Гурджиев всё говорил, стараясь объяснить, что в человеке может зависеть от влияния планет, а что не может.

Когда мы выходили из парка, Гурджиев замолчал и зашагал в нескольких шагах впереди нас. Мы впятером шли за ним, разговаривая друг с другом. Обходя дерево, Гурджиев обронил трость, которую носил с собой, – палку чёрного дерева с серебряным кавказским набалдашником. Один из нас наклонился, поднял трость и подал ему. Пройдя ещё несколько шагов, Гурджиев повернулся к нам и сказал:

— Вот это и была астрология. Понимаете? Вы все видели, что я уронил палку. Почему её поднял только один из вас? Пусть каждый скажет о себе.

Один ответил, что не видел, как Гурджиев уронил трость, так как смотрел в другую сторону. Второй объяснил, что заметил, что Гурджиев уронил трость не случайно, как это бывает, когда она за что-то зацепится, а нарочно, ослабив руку, чтобы трость упала: это вызвало у него любопытство, и он стал ждать, что будет

дальше. Третий сказал, что видел, как Гурджиев уронил трость, но был поглощён мыслями об астрологии, стараясь припомнить всё, что Гурджиев говорил о ней раньше, и не обратил на трость внимания. Четвёртый видел, как падала трость, и решил её поднять; но другой человек сделал это раньше него. Пятый сказал, что видел, как упала трость, а затем увидел, как он поднимает её и отдаёт Гурджиеву.

Выслушав нас, Гурджиев улыбнулся.

— Вот вам и астрология, – сказал он. – В одной и той же ситуации один видит одно, другой – другое, третий – третье и т.д. И каждый действует в соответствии со своим типом. Наблюдайте таким образом за собой и за другими; потом мы сможем поговорить о разных видах астрологии».

Наша проблема в том, что мы не знаем самих себя в том смысле, что не знаем о влияниях, действующих внутри нас, которые мы принимаем за качества нашего «Я», так сказать, неотъемлемо принадлежащие нам. Например, кто-то может стать популярным и считать, что он достиг этого благодаря своим определенным качествам и действиям. Он охотно даёт советы, как достичь популярности, своим менее удачливым знакомым, которые безуспешно пытаются им следовать. Результат – взаимное разочарование советчика и тех, кто его советам последовал. Сведущий же астролог знает, что автоматическое везение в любой сфере жизни определено исключительно планетарными влияниями. Как говорится, кому предназначено испытание славой, тот проходит это испытание, кому не предназначено, тот славы не узнает. Некоторые люди тратят немало сил для того, чтобы заработать себе на хлеб, а другие устраиваются на работу с лёгкостью. Почему у одних это получается, а у других – нет? Натальный же гороскоп показывает и планетарные влияния, и взаимосвязь домов, которые отвечают за работу и профессиональный успех (шестой и десятый дома). Ознакомившись со своим гороскопом, составленным профессионалом, человек может увидеть, каким образом планетарные влияния способствуют, а каким препятствуют выражению его самости, и таким образом, он может сделать более взвешенный выбор работы, партнеров, модели отношений и т.д. Один человек не может усидеть на месте, он постоянно в пути, даже если у него нет денег, всё равно возможности для путешествия всегда находятся. Другой может быть вполне обеспеченным домоседом, ему и в голову не придёт на выходные или в отпуск ехать куда-нибудь дальше собственной дачи. Подобное положение дел тоже определено планетарными влияниями. Одним словом, слишком редко мы задаёмся вопросом: а откуда у меня именно эта склонность и именно это качество? Почему мне легче проводить точные расчёты, чем оперировать образами? Почему это мне легко, а нечто другое – тяжело? Почему мне хочется заниматься этим, а тем не хочется? Всё это мы привыкли считать некой данностью просто фактом.

Не зная самого себя человек, во-первых, делает то, что ему не нужно делать, и не делает того, что нужно. Из-за этого возникают недоразумения, неприятности, а иногда и настоящие беды. «Кто более или менее основательно изучал собственный гороскоп, тот свободно может распоряжаться своей душевной и духовной силой, потенциалом своего интеллекта, и действовать в диапазоне своих возможностей, не претендуя на невозможное» (астролог С.Вронский). Абсолютно гармоничных гороскопов не бывает, на нашей планете нет «баловней судьбы», согласно универсальным космическим законам. Но преграды и трудности, с которыми человеку приходится сталкиваться на жизненном пути, должны быть использованы им как стимул для дальнейшего развития. Только преодолевая самого себя, человек растёт и развивается, становится настоящей личностью. Нельзя забывать, что любой прогноз является только цепочкой вероятностей, и практически любой, даже самый тяжёлый удар, может быть смягчен. Люди, которые слепо верят всем прогнозам, не используя свою способность мыслить критически, анализируя не только внешние обстоятельства, но и самого себя в этих обстоятельствах, подвергаются очень серьёзной как душевной, так и физической опасности. Для того чтобы иллюстрировать сказанное, можно привести такой пример. В гороскопе у некоего воображаемого человека может стоять указание на травмы из-за несоблюдения техники безопасности. Такой человек может резать хлеб и порезать себе палец – это травма из-за несоблюдения техники безопасности. И этот же человек может ехать на машине, проехать на красный свет и попасть в ДТП, из которого выйдет прикованным к постели инвалидом, – это тоже травма из-за несоблюдения техники безопасности. Разница только в масштабе события, и именно масштабом события возможно управлять с помощью сознательной внутренней работы (например, постоянно проявляя бдительность).

Постоянное наблюдение за собой показывает человеку индивидуальное проявление именно его планетарных аспектов. Со временем можно научиться видеть, какая планета активна в определённый момент

времени, и, следовательно, до некоторой степени знать исход ситуации. Именно из-за планетарных влияний все мы вращаемся в колесе жизни, и события повторяются, потому что все планеты со временем возвращаются на свои места, и включают соответствующие аспекты. Астролог А.Подводный утверждает, что в жизни каждого человека есть один или два аспекта, которые оказывают решающее влияние на всю его жизнь, и мои личные наблюдения подтверждают правильность этого мнения. Для человека, у которого в гороскопе есть оппозиция между Солнцем и Сатурном, в тот момент, когда он проявляет свою индивидуальную волю, пространство немедленно отзывается серьёзными препятствиями к достижению желаемого. Подобный аспект может отравить человеку всю жизнь, если он погряз в эгоистичном и потребительском взаимоотношении с миром. Но если тот же человек сумеет смириться с подобной ситуацией и, к примеру, примет точку зрения, что на всё есть Высшая воля, Божественная воля, и всё в мире свершается и должно свершаться только в соответствии с этой Высшей волей, и попробует узнать эту волю, и поступать в гармонии с ней, тогда воздействие аспекта на его жизнь будет смягчено, и он с удивлением обнаружит, что неким неочевидным образом его желания всё равно учитываются и впоследствии исполняются.

Также очень много ненужных сил у людей уходит на то, чтобы «выскочить» из планетарной программы. Особую жалость вызывают люди, которые неизлечимо больны, но воображают, что при совершении некоторых действий они непременно выздоровеют. Но если в гороскопе складывается формула болезни, то пытаться избежать её просто нелепо. Планеты нельзя сдвинуть с того места, которое они занимают в гороскопе, но их вполне можно попытаться обмануть. Например, даже если человек неизлечимо болен, он вполне может принять свою болезнь и попытаться воспользоваться теми, пусть даже и ограниченными, возможностями, которые ему даны, и прожить свою жизнь относительно нормально, определённым образом взаимодействуя с миром и не тратя ненужные силы на попытки излечиться. Или если у человека в гороскопе есть указания на разрыв отношений, то можно не тратить свои силы на ненужные попытки удержать то, что уходит, а просто с лёгкостью отпускать старые отношения и начинать новые.

Как астролог я придерживаюсь мнения, что трактовку гороскопа нельзя принимать, как данность. С гороскопом нужно работать, улучшая самого себя. Каждая планета и каждый аспект имеют свои высшие и низшие проявления. К примеру, человек с Луной в Близнецах может с пользой получить много впечатлений, быть важным связующим звеном между людьми и нужным информатором, а может быть просто «перекати-полем», которого ветер несёт неизвестно куда и зачем. Работа над собой дает человеку больше возможностей быть полезным и интересным для других, и чувство, что он зря потратил время, будет у такого человека редким гостем. По мере роста индивидуальности «растёт» и её гороскоп, включается всё большее количество аспектов, и их влияние становится всё более тонким, незаметным для посторонних, но очень важным для самого владельца гороскопа. И вершиной развития человеческого существа является полное владение планетарными энергиями и использование их при творческом взаимодействии с миром. Но подобное может совершить только тот человек, который полностью преодолел свой эгоизм и личные желания. Это вопрос не астрологии, а духовного роста. Но в любом случае, знание собственной натальной карты намного важнее прогноза для вашего знака Зодиака на ближайший месяц или год. Помните о том, что тот, кто знает своё будущее, способен предотвратить его.

IV. Женская страничка

Ещё раз о женственности

Дана Богданова, г. Санкт-Петербург

Много статей написано о женственности, много лекций прочитано, много женщин и девушек посетили их, много прочитали книг. Уже практически каждая знает о том, что нужно носить платья, быть мягкой, доброй и послушной, многие могут даже лекции по этому поводу прочитать и статьи написать… И, тем не менее, всё остаётся по-старому. Для большинства слово «женственность» остаётся чем-то неопределённым, многие уверены, что она у них уже есть по умолчанию и дополнительно ничего не нужно.

Убеждать кого-то в необходимости развивать женственность считаю излишним. Действительно, если понаблюдать за маленькими девочками, можно с уверенностью заявить, что каждая из них женственная, т.е. это неуловимое нечто, присущее только женскому полу, присутствует в каждой из нас от рождения. Только со временем оно куда-то девается. Почему же всё так происходит? Куда девается наше существо, наша душа? Она тонет в пучине всех невзгод, которыми одаривает нас жизнь, в пучине обид, тягот и внутренней боли. Только не стоит думать, что можно что-то изменить внешним образом, что ваша жизнь была «неправильной», но есть какая-то «правильная» жизнь женщины. Не надо думать, что кто-то из нас вырос в розовом платьице, с куском торта и воздушным шариком в руке. Нельзя сказать, что кого-то из нас любили абсолютно все без исключения, абсолютно никто не причинял нам боли. Наоборот, боль – это неотъемлемая часть нашей жизни, страдание – это важная пища, на которой человеческое существо вырастает, и мы из маленьких беззаботных детей становимся взрослыми. Господь специально создал нашу жизнь такой, чтобы в ней было достаточно этой пищи. Кто-то из нас захлёбывается в жизненном потоке событий и, обвиняя всех на свете, теряет всё, а кто-то принимает решение сбросить с себя ненужный пласт боли и обид и возвращает утраченную силу и красоту, только это уже не красота наивной девочки, задача которой просто улыбаться, а красота женщины, которая живёт свою жизнь, знает, чего хочет, но одновременно с этим является живой неуловимой сущностью, которая привносит в события жизни лёгкость, загадочность и любовь.

Итак, задача женщины не научиться быть женственной, а очистить свою душу, а для начала нужно попытаться вспомнить её, вспомнить, какой она является, ваша душа, снова войти с ней во внутренний контакт, чтобы она могла сообщить нам о своих потребностях, потому что у неё уже нет папы и мамы, а есть только наша взрослая, в чём-то состоявшаяся личность, которая, кстати, лучше всех может о ней позаботиться.

Просто предлагаю вам, дорогие читательницы, на мгновение вернуться мыслями в своё детство. Но не в то детство, когда вы уже с упоением читали фантастику, приключения или, может быть, детективы, а в то детство, когда вы с восторгом смотрели на невест в длинных белых платьях и слушали сказки про Золушку, Спящую Красавицу, Белоснежку и т.д. Вспомните себя в это время. Ведь у вас в то время был тот самый идеал женщины, на который вы мечтали быть похожей. Вспомните этот идеал, опишите его. Пусть он перестанет быть чем-то смутным и неопределённым, а станет чётким и понятным. Какая она? Как одевается? Какая у неё причёска? Как она себя ведёт? Что она делает? Как она взаимодействует с окру-

жающими её людьми? Какие качества её характера? Она заботится о людях, которые подходят к ней или презрительно отбрасывает их от себя? Она с негодованием отгоняет от себя мужчину, который приходит к ней, или с молчаливой благодарностью и уважением принимает его в объятия своего существа? Вероятно, в вашей голове возникнут ещё и другие вопросы, ответьте на них так искренне, как только возможно, и желательно запишите свой ответ. Даже если вы не умеете и не любите писать, запишите, ведь совершенно нет необходимости кому-то показывать свои записи.

Вот он, лично ваш идеал женственности. Она может быть матерью, и в этом видеть смысл своего бытия. Она может быть королевой, которая одаривает своей добротой и мудростью всех окружающих. Она может быть музой, вдохновляющей рыцарей на подвиги, а поэтов – на стихи об этих подвигах. Она может быть прекрасной внешне, а может иметь заурядную внешность, но удивительно прекрасную душу. Посмотрите на неё и подумайте, кто эта женщина? Кто она? Каково ваше отношение к ней? Почему она так важна для вас? Ответ обычно прост: она – это вы и есть. Это и есть то самое «Я», которое всегда вам предлагали найти. Это и есть та самая вы, о которой говорится «будь собой». Другой вопрос, согласитесь ли вы принять её? Согласитесь ли вы приложить усилия для того, чтобы она была, существовала, любила?

Решите для себя, останется ли она просто мечтой в тетрадке, которую вы с нежностью прочитаете в 60 лет и вздохнёте: «Эх, а как верилось-то!»; или вы хотите быть такой в жизни? Решите и запишите своё решение. И если вы решите воплощать этот образ – попробуйте. И пробуйте всегда. Все девушки, которые пробовали, те знают, как далеки их реальные поступки, мысли и эмоции в жизни от этого образа. Они знают, что утрачен этот образ уже давно, что они живут так, как привыкли, как их научили, воспитали, сделали. Они знают, как это тяжело – стать собой. Они знают, что если ты всю жизнь была неуклюжей коровой, то нельзя надеть платье и в одно мгновение стать женственной. Они знают, что нельзя в один миг вдруг проснуться другой, не такой, какой ты привыкла быть изо дня в день. Это труд, это работа.

Попробуйте быть внимательной ко всем людям, которые встречаются на вашем жизненном пути – к старушке, скандалящей в супермаркете из-за неправильной цены, к вечно непослушным детям, к воспитателю в детском саду, которую вы считаете виноватой в том, что она неправильно занимается с вашим ребёнком, к свекрови, которая лезет в вашу жизнь, к мужу, в конце концов, который делает для вас всё, что может, но всё равно оказывается, что мало, или что всё не то. Попробуйте быть доброй со всеми этими людьми. Ведь им тоже нелегко иметь дело с вами и вашим недовольством. Попробуйте измениться и поймите, как это тяжело, если вы привыкли только раздражаться и кричать по всякому поводу. Посмотрите на себя со стороны в тот момент, когда вы кричите. Если вы сами увидите, как это ужасно выглядит, только в этом случае вы больше никогда не будете смиряться с этой своей привычкой, и будете бороться с ней до конца, пока она не исчезнет. Самооправдание на тему «это не я, это они виноваты» больше не будет вас утешать. А если вам просто какой-то другой человек, пусть даже и очень авторитетный, говорит, что и как надо делать, и вы повторяете, как попугай, от этого женственной вы не станете (хотя такое поведение тоже можно принять в виде первого шага). Но по факту только ВЫ САМИ может решить для себя, что вам делать, и ЗАЧЕМ это нужно делать. Если вы хотите быть красивой, то это не значит, что вам просто нужно купить платье, о котором вы мечтали. Вам никогда не приходило в голову, что может такое случиться, что это платье вовсе не то, что вам нужно носить? Может быть, оно красиво на той модели, на которой вы увидели его, а вам оно вовсе не пойдёт? Причём «не пойти» может всё, что угодно, начиная от цвета и заканчивая покроем рукава или воротника. Поинтересуйтесь, что такое красота, посмотрите на произведения классического искусства, которые отображают красоту. Всегда ли у женщины должно быть открытое тело, чтобы она была красивой? Поищите фотографии красивых женщин, рассмотрите их и определите, почему они кажутся вам красивыми. Где находится их красота, в чём она? Тогда вы увидите направление своего пути. Ни один мастер не укажет вам его точно, но он может оказать вам помощь, поэтому очень часто те девушки и женщины, которые утверждают, что они «идут своим путём», очень часто не идут вообще никуда, а только воображают себе, что они меняются.

Это вовсе не так просто, вас ждут пробы и ошибки. Возможно, во многих своих пожеланиях вы разочаруетесь и увидите сами, что стремились к чему-то ложному и неправильному. Вас ждут колебания между тем, что вы хотите, и тем, как вы привыкли, и вы поймёте, что порой нужно быть внимательной к каждой своей фразе, к каждому поступку. Даже принять решение меняться, несмотря ни на что, не так легко. Но всё

же у вас есть незримая помощь, помощь самого Бога, который создал нас прекрасными и очень хотел бы видеть нас такими. Для Бога нет преград, нет невозможного. Обращаясь за помощью к Богу, вы никогда не получите отказ. С Божьей помощью можно найти и знания, которых вам не хватает, и преодолеть трудности, с которыми вы сталкиваетесь, и найти людей, которые вам помогут и поддержат вас. Но только вступив на этот путь и можно действительно начать меняться. Только вступив на этот путь и получив первые, пусть даже самые маленькие, но реальные результаты, можно понять, что чтение книг и прослушивание лекций это не выход. Это может быть только напоминанием о том, что нужно делать, не более того. Какие-то резкие перемены в жизни тоже не могут быть правильным выходом. Хотите ли вы своего счастья ценой несчастья других людей – своей семьи? Хотите ли вы избавиться от надоевшего мужа ценой слёз ваших детей? Ведь детям вы не объясните, что папа плохой, потому что мусор не вовремя выносил или цветы не так часто дарил маме. Хотите ли вы «идти по головам», делая то, что вам нравится? Поступила бы так ваша идеальная женщина? Если вы осознаёте, что совершили в своей жизни какую-то ошибку, со временем она выправится самым благоприятным для вас образом. Ваша задача просто слушать своё сердце и свою совесть, и принимать своё решение. А приняв его, оставаться верной ему до конца.

Девушка с кошкой

И напоследок небольшая история из жизни.

Я была в командировке в Симферополе и в один из выходных решила посетить город Бахчисарай. Там был монастырь в горах, и я хотела побывать там. Ехать одной в незнакомые места я уже не боялась, я неплохо ориентировалась на местности и, спрашивая людей, узнала дорогу. Крым – это уникальное место, само присутствие там чудесно. Дело было осенью, когда отдыхающие уже разъехались, поэтому в маршрутке, в которой я ехала, народу было мало. На одной из остановок в салон вошла девушка и села напротив меня. Мой взгляд невольно упал на неё и… прилип. Умом я понимала, что некультурно пялиться на незнакомого человека, но оторвать глаз от красоты незнакомки не было никакой возможности, поэтому я старалась незаметно наблюдать за ней.

На вид девушке было лет 16-17 и, судя по одежде, она принадлежала к мусульманской вере. На ней было серое расклешённое пальто в пол, с воротником, который не оставлял ни сантиметра открытой шеи, а волосы полностью были спрятаны под лиловым платком, закрученным в чадру. В тонких руках девушка держала красную сумочку, в этом было всё её украшение. Кисти рук и лицо – вот что было открыто из её тела. Что же было в ней такое особенное, что выделяло её из всех прочих? Это были чёткие черты лица и большие карие глаза, сияющие, как у лани, да и вся она была похожа на прекрасную птицу, которая вот-вот

взлетит с ветки, услышав резкий звук. Во всём её виде, в том, как она сидела, как держала сумочку, как смотрела в окно, во всём это струилась и журчала жизнь во всей её прелести и красоте. В глазах девушки сияло целомудрие, но вместе с ним и трепет от радостного ожидания единения с мужчиной. На вопрос «что в ней особенного?» мой ум, в конце концов, нашёл ответ: она была чиста. Воображая себе жизнь такой девушки, мой ум рисовал на тонком экране вполне чёткие картины: она явно не шаталась по дискотекам, не искала случайных знакомств, не показывала всем подряд своё тело, не бегала на пляже в купальнике, ни в коем случае не выпивала и не курила. Возможно, вечерами она с сестрами или подругами что-то вышивала или шила или занималась иным рукоделием. Скорее всего, она была трудолюбива. Однозначно, она внимательно слушала указания родителей и тщательно их выполняла. Мобильный телефон в её руках выглядел нелепо, но он был – дань времени. Невозможно было представить её спорящей или ругающейся. Скорее всего, во время ссоры она заплакала бы и убежала прочь. Была ли она униженной? Была ли она загнанной лошадью? Была ли она тряпкой, которая только и живёт тем, что выполняет чужие требования? Нет. Она была прекраснее и выше нас всех, отъявленных феминисток в штанах и шортах, которые машут красными флагами и кричат, что имеют право на собственное мнение, грубят мужчинам и проводят свободное время в ближайшем баре. Если бы я была мужчиной, я влюбилась бы раз и навсегда. Но я была женщиной, поэтому в моей голове навсегда остался эталон того, какой женщиной нужно быть.

Когда я вышла из маршрутки и отправилась по тропинке в монастырь, мне подвернулась группа туристов, к которой я с удовольствием примкнула, чтобы не бродить одной. Дамы в это компании были вполне современные – в спортивных штанах с рюкзаками и в кепках. Бесспорно, они были образованны. До встречи со мной они уже посетили несколько достопримечательностей и сейчас с удовольствием обсуждали увиденное. Возможно, их жизнь была интересной. Но нечто было окончательно и бесповоротно утрачено этими умными дамами, и было сохранено той незнакомой мне мусульманкой. Это нечто называлось «женственность». А когда я вернулась в город, то смотреть на современных девушек в шортах и коротких юбках, в распахнутых курточках, оголяющих декольте, уже совсем не хотелось. Поэтому я вернулась в свой номер и уселась за дневник, чтобы описать удивительную встречу.

V. Христианский герметизм

«Приключения Мастера Джи и его верных учеников Угрюмова и Гудрона в Долине Нигредо». Приложение к Трилогии «Уроки Мастера Джи».

Автор: Константин Серебров

Редактор: Гурий Гозалов

©Издательство Серебров Букен, Гаага, 2017

Глава 1. Попытка разобраться в пользе происходящего

Прошло 6 лет… многое стало другим в жизни Касьяна. Ему удалось оставить позади свой город и все, чем он жил раньше, перебравшись туда, где жил Мастер. Было пройдено множество обучающих ситуаций и, как говорится, съеден не один пуд соли.

Угрюмов

При этом для Касьяна все происходящее в обществе Мастера оставалось таким же ускользающе-загадочным и непонятным. Таинственной легкой тенью скрывалось неведомое, уклоняясь от прямых бесцеремонных взоров. Прошло так много лет, но и по их прошествии в уме Касьяна ничего не прояснялось ни в Учении, ни собственно в самом Учителе. Казалось даже, наоборот, от бесконечных встреч с многочисленными мистиками страны, которые Мастер часто организовывал вместе с учениками, и от нескончаемой вереницы мелькающих новых знакомств накапливающаяся карма тяжелым комом отяжеляла и затемняла его душу.

И порой, словно болото или черная сель, нечто темное и опустошающее засасывало Касьяна, погребая его под пыльным шлейфом непереваренных обучающих ситуаций. Оно огрубляло его тонкое восприятие и затуманивало сознание, тяжелая энергия напрочь стирала понятие уже таких знакомых духовных истин и разрешенных проблем. Снова становилось сложно отделить иллюзию от Правды и держать себя в состоянии «здесь и сейчас». Касьян не знал, как очистить душу от периодически нарастающей тяжести; он знал только, что нужно было терпеть, и тогда она, по неизвестным причинам, исчезала на время, давая ему передышку. Он перестал практиковать Крийю и медитации, которые были прежде его ежедневным занятием, еще со дней его детства, потому что поверил, что достигнет просветления, следуя учению Гурджиева и Успенского. «Я стал, наверное, полным идиотом», - горько думал он иногда. Он продолжал угрюмо следовать за Мастером в еще не утерянной, но уже изрядно приугасшей надежде на просветление. По какой-то неведомой ему причине это столь желанное просветление почему-то так и не наступало: то ли оно не хотело приходить, то ли Касьян не был еще готов принять его в своей душе.

То, что вчера было понятным и ясным как «Божий день», сегодня вновь становилось неразрешимой загадкой для утомленного сознания Угрюмова. Блуждая по запутанным лабиринтам, безуспешно пытался он разгадать ребусы и коаны Мастера. Сорок восемь горизонтальных законов жизни заставляли уже добытое тяжелым трудом высокое мистическое знание буквально выветриваться из головы, и оно улетучивалось с космической скоростью. И вот уже возникла новая проблема: каким образом уберечь то, что однажды им было достигнуто? И так постепенно Касьян превратился в угрюмого человека, и окружающие его стали называть Угрюмовым.

Следуя наставлениям Мастера, Угрюмов вел дневник и писал эссе на духовные темы. Для того чтобы усвоить тайное, плохо понятное уму знание, которое вливалось в него через Мастера или из далеких астральных пространств, он регулярно таскал ящики с аппаратурой джаз-рок ансамбля «Арсенал». Мастер повторял ему не раз, что мистические идеи должны быть усвоены не только умом и чувствам, но, прежде всего, физическим телом, ибо память нашей физической оболочки была самой цепкой. Разгрузка 4 тонн аппаратуры и быстрая расстановка ее на сцене помогали содержимому ума и сердца осесть в теле, проникнув в мышцы и кости. Все это оказалось для Угрюмова крайне болезненными открытиями. Особенно по причине того, что он четко осознавал, что эту внутреннюю алхимическую реакцию усвоения знания придется поддерживать до тех пор, пока его душа не покинет бренный земной мир. Мрачно улыбаясь, Угрюмов думал: «Я стал круче барона Мюнгхаузена: тот вытащил себя за волосы из болота один лишь раз, а мне приходится успешно делать это почти каждый день!»

Но наиболее пугающим его обстоятельством было то, что с каждым годом понимание благой вести, несомой Мастером, не прояснялось, а все больше ускользало за рамки его понимания. Эта из года в год тянущаяся неясность и отсутствие видимого, ощутимого результата оставляли в душе Угрюмова горький осадок, который, накапливаясь, отравлял радость жизни и гасил внутреннее пламя состоянием, близким к депрессии. За эти годы Угрюмову пришлось познакомиться со многими учениками Мастера, кстати, большая часть которых таковыми себя вовсе не считала. Разрушающее чувство гордости и собственной важности заставляло их ложные личности воспринимать себя как людей, несущих высокое знание, предназначенное для избранных и недоступное для плебса. С блеском исполняя свои бессознательные роли в театре Мастера, они, тем не менее, пребывали во внутренней оппозиции к нему. Некоторые бывшие ученики даже почитали за достоинство всячески поносить и ругать своего Учителя, ощущая при этом огромный прилив люциферических сил. Мастер же продолжал общаться с ними и поддерживать их. Мастер объяснил Угрюмову, который не мог принять эту идиотскую, с точки зрения здравого смысла, ситуацию, что все это множество учеников образует целостный и сложный узор на ковре жизни. Изучение

этого узора может явить ищущему некую часть учения, которое Мастер нес в своем сердце. Мастер часто расстилал его пред взором терпеливо и упорно ищущих, даря им опыт десятков лет и возможность изменить свое сознание, еще на один виток углубив понимание духовного Пути. Мастер описывал этот узор как «посвятительный лабиринт с ритуальными статуями, стоящими вдоль тропинок лабиринта, и каждая статуя хранит в себе осколок учения». Это звучит странно, и трудно понимается через логику. Для Угрюмова «статуи» были заблудшими и свернувшими с истинного пути людьми, ибо они были порабощены разросшимся внутренним драконом, преграждающим путь к высшему знанию.

Таким образом, из всех людей, окружавших Мастера Джи, Угрюмов стал первым, кто признал его своим духовным Учителем и с почтением следовал за ним во всех его путешествиях, расширяя свое сознание и набираясь опыта. Остальные же называли Мастера по-разному: кто – великим интеллектуалом, кто – гением, кто – необычайно таинственным человеком. Но Мастеру до этого не было дела, он не старался быть неким Гуру или гениальным философом. Ему нужны были театральные площадки в Москве и в других городах страны, где бы он мог поставить свой замысловатый мистический спектакль в реальной жизни, тем самым превращая жизнь в спектакль, а спектакль в жизнь. Он оживлял души окружающих людей неведомым эфирным посвящением, внося в их жизнь творчество, воздушность, красочность и искристое горение сердца.

Когда Угрюмов, незаметно для себя, оказывался в обучающей ситуации, искусно срежиссированной Мастером, его гордыня невыносимо страдала. В эти моменты Мастер пытался объяснить ему, что, например, оскорбительные замечания, которые пришлось выслушать Угрюмову, являются всего лишь эффективным средством превратить гордыню – одну из голов его внутреннего дракона в нечто более позитивное. «Страдания тебе причиняю вовсе не я и не другие люди», - замечал Мастер. - «Это все действия твоего внутреннего дракона, Уробороса, которого ранили справедливые замечания окружающих по поводу его грубости и презрения к людям. И чтобы отплатить за это «оскорбление», он-то и терзает твою душу. Но если ты хочешь расти духовно, то тебе надо научиться сознательно со смирением, а то и с радостью терпеть эту внутреннюю боль и страдание. Пусть из твоего дракона сочится кровь. Если же ты добровольно примешь и перетерпишь страдание, то чудовище, живущее в тебе, уменьшится в размерах и ослабит свою смертельную хватку. Тогда алхимический процесс твоего утончения сделает еще один шаг. Потому что огонь сознательного страдания проплавляет все твои слабые черты, выявляя все твои слабости и внутреннее несовершенство, которые ты до этого умело скрывал от себя и других. Тебя нужно ковать, как дамасский клинок, прокаливая со всех сторон, простукивая молоточком все твои шероховатости». «Конечно, идея эта прекрасна и, несомненно, верна», - размышлял Угрюмов в те моменты, когда его дракона не задевали замечанием или насмешкой, а тихо поглаживали по загривку.

Глава 2. Дракон закрывает духовный Путь

В этом благодушном состоянии огнедышащий зверь даже сам просил Мастера поднять ему градус, для скорейшего просветления. Но как только Мастер повышал дракону Угрюмова градус, тот немедленно вскипал от злобы и ненависти, которая могла вылиться даже на ни в чем не повинного прохожего.

В такие моменты сердце Угрюмова было поглощено озлобленным, метающим искры внутренним Уроборосом, который полностью им управлял. В этих мрачных состояниях он с удовольствием вчитывался в стихи, наполненные кошмаром и ужасом.

Кто-то приходит, кто-то уходит,
Кто-то нам дарит банан.
Я непонятен, ты непонятна,
Мы непонятны вам.
Варим мы суп - появляется труп.
Все съедает он.
Сейчас, не жалея, вопьется в шею,
Сон или не сон.
Кто мы, где мы, где мы, где мы, где мы, где мы, где мы, где мы,

Мы ничего, ничего не знаем,
Мучает нас Блик Пайн.
Мы в магазине стоим за водкой, За нами - человек.
Красные губы - длинные пальцы,
Жуть мохнатых век.
Сейчас, не жалея, вопьется в шею,
Высосет вконец.
Господи боже, этот прохожий -
Наш родной отец.
Кто мы, где мы, где мы, где мы, где мы, где мы, где мы, где мы,
Мы ничего, ничего не знаем,
Мучает нас Блик Пайн.
Тяжелой тенью, в вечном сомнении
Тянется наша жизнь.
Выйди на площадь, стань на колени,
Скажи себе «Аминь».
Радио слушай, смотри телевизор,
Сшей себе пальто.
Забудь свое горе, стань в крематорий,
Там тебе скажут, ты кто.

Накопившаяся в нем злость словно оживала на бумаге, и исписанные им листки шевелились, хищно перемещаясь по письменному столу. В эти моменты Угрюмов напрочь забывал о том, что собирался просветлеть до отхода души из тела. От обиды он впадал в такую жалость к себе, что злобная месть начинала подбираться к его сердцу. В такие минуты он не помнил, что Господа можно увидеть, только обладая чистым, горячим сердцем. А злость, месть, обида мгновенно затемняли его чернотой, подобной саже, и не то что Господь, а даже ангел-хранитель не мог уже находиться рядом.

У Касьяна был приятель по Пути на Святую гору по имени Гурий, который след в след шел за ним. Гурий стал учеником Касьяна за год до того, как Касьян встретил Мастера Джи. Подражая Касьяну, Гурий часами медитировал, сидя в позе лотоса в неком подобии кельи, которую он построил из нескольких шкафов в своей комнате. Гурий, также как Касьян, сразу распознал в Джи духовного Мастера, и последовал за ним. Касьян уже давно поставил себе целью достичь просветления в этом воплощении, во что бы то ни стало, и поэтому ежедневно пытался проникнуть в тайну мистических египетских сфинксов. Гурий старался из всех сил не отставать от него в этом восхождении на Святую Гору. Но и ему путь на Святую Гору преграждал огромный дракон, который, кстати, обитал не только в нем, но и в каждом человеке, живущем в этом космосе.

Глухими вечерами Мастер частенько прорабатывал своих учеников с целью выдрессировать еще хоть на йоту их внутренних драконов - Уроборосов. После таких алхимически благодетельных сессий Касьян превращался в мрачного Угрюмова. Он, уединяясь, уходил в себя, анализируя и пересматривая наставления Мастера Джи. Гурий же, получив огненный астральный импульс Мастера, излучал из себя часами, днями и неделями гигантские количества черной, поблескивающей, липкой и ядовитой энергии, которая даже могла вызвать поломки фотоаппаратов, радиоприемников и другой электронной аппаратуры.

Гудрон

В то же время Гурий пытался изо всех сил забыть все коррекции Мастера и вернуться в свое привычное, сонное и самоудовлетворенное состояние. Угрюмов, который мог видеть эту тяжелую энергию своим третьим глазом, дал Гурию прозвище «Гудрон».

Угрюмов напрочь забывал о своей цели достичь Просветления, когда с его дракона снимали стружку, ибо в те моменты полностью отождествлялся со злой сущностью дракона и его болью. Дракон никогда не собирался подниматься на Святую Гору. Ему вовсе не хотелось встречаться с духовным огнем Абсолюта, который в один миг мог испепелить его навеки. Поэтому Угрюмову приходилось иногда неделями ждать, пока его Уроборос успокоится и, ослабив свою железную хватку, опустится в нижние этажи Угрюмовского подземелья.

Гудрон был менее устойчив в духовных целях, и посему иногда влюблялся без памяти в ту или иную повстречавшуюся ему после концерта красотку. Причиной этому, с точки зрения Угрюмова было то, что Гудрон не владел техниками сублимации, и потому не знал, что ему делать с автоматически накопляющимся веществом смысла жизни, и как использовать его излишки для подъема на Святую Гору.

После этого он на некоторое время попадал в мирской ток, пытаясь скрыться от всевидящего вселенского Ока, бросить Путь, свалиться со Святой Горы прямо в объятья Люцифера. Несмотря на эти мелкие, с его точки зрения, проколы, Гудрон считал себя образованным молодым человеком и поэтому воображал, что все понимает из того, что московские мэтры говорили об алхимии, о поисках философского камня и о нерасщепленных Гурджиевских водородах.

Гудрон понимал алхимию на свой лад и искал алхимическое золото в джунглях любви, но всегда натыкался на непреодолимое противоречие между мужчиной и женщиной. Иногда, в порыве подражания Мастеру, он прочитывал пару страниц из Бердяева, а затем, скрестив ноги, часами таращился на фотографию одного из индийских гуру, большей частью Раджниша, ожидая чуда. Мастер же заметил однажды, что этого не достаточно для обуздания его дракона, и дал ему задание: учить наизусть Псалмы царя Давида и Евангелие от Иоанна, по строчке в день. «Это единственный способ увеличивать размер твоей шагреневой кожи, и я буду иногда, без предупреждения, контролировать исполнение этого задания», - сказал Мастер, и Гудрон старался и за страх, и за совесть. Услышав от Мастера, что дракона его, который неконтролируемо разросся на повышенной энергии Школы, также можно усмирить, сознательно играя в шахматы, нарды и маджонг. Гудрон, с упоением погружаясь в эти магические игры, доводил себя до полного изнеможения. Но его дракон не расщеплялся, вероятно, потому, что игра Гудрона совершенно не вписывалась в рамки

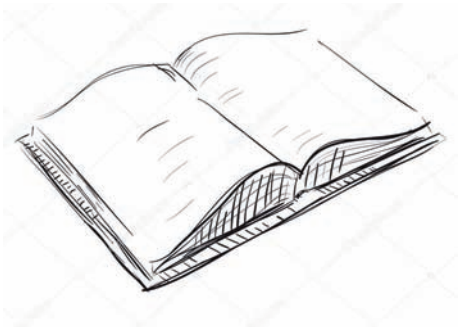
сознательности. По правде говоря, он вообще толком не знал, что означает слово «сознательно», но спрашивать - гордость не позволяла, ибо он считал себя гением. Другие же ученики Школы считали Гудрона механическим, не раскрывшим свою сущность учеником, и ставили его в пример всем обучающимся, как наглядное пособие того, каким быть не надо.

По всему по этому Гудрона регулярно терзал один и тот же мучительный вопрос: куда девать негативную энергию нерасщепляющегося и неумолимо растущего дракона? «Куда-а? Куда-а?» - словно темное кладбищенское эхо раздавалось в его сознании. И если его друг Угрюмов не помогал ему практическими советами, то Гудрон шел в церковь молиться. Молился он не так, как все, а по-своему. Одна часть его Я читала горячие молитвы во спасение души, а другая – погрязшая в объятьях дракона - помимо воли шепталась с бесами. Вдоволь намолившись таким образом, Гудрон, расправив плечи, выходил в божий мир, ожидая заслуженной похвалы.

Но непосредственный начальник Гудрона в «Арсенале», бригадир обслуги Боцман, еще более поносил его матом за разваливающиеся ящики, ибо в церковь Гудрон ходил в рабочее время и, стало быть, не исполнял своих прямых обязанностей.

После неудачных попыток войти в закрытую дверь Царствия Небесного, Гудрон высыпал в рот пригоршню таблеток адонис-брома и валерьянки, и тихо засыпал, временно освободившись от своей ложной личности. В своих дивных снах он первым поднимался на Святую Гору, но на собеседование с Господом так и не попал, из-за громадной очереди, в которую надо было записаться еще с рожденья.

Продолжение следует



VI. Воспоминания

Лабиринт

Отрывок из книги «Космос моего театра»
Автор: Татьяна Спасоломская, г. Москва
Татьяна Спасоломская – театральный художник, сценограф, член МСХ (Московского союза художников), член СТД (союза театральных деятелей). В настоящее время преподаёт в театральном институте им. Щукина (г. Москва), и в институте театрального искусства им. Кобзона по специальности сценография и история театрально-декорационного искусства на кафедре режиссуры. Татьяна Спасоломская оформила более 100 спектаклей, является участниковм выставок живописи и сценографии.

1994 г. Июль, Гауя.

Песчаный остров, намытый рекой после разлива, длинной косой примыкал к островку, уже обросшему кустарником, как зеленый Тэрри на опушке воротника крепового песчаного платья, в стиле модерн. У опушки меха-воротника в воду зеркала реки плоским, тонким профилем всматривалась женщина – губы её омывались нежными струями реки, глаза были полуприкрыты.

Песчаный креп платья покрывал орнамент из следов белых и черных птиц и их теней, скользящих от края к краю, чаек и ворон, бабочек и стрекоз, следов босых ног отдыхающих и нескольких полуобнаженных тел. На груди песчаной девушки, как брошка, покоилась изумрудная лодочка, весла, как булавки с бриллиантами, утопали в воде вечной реки. Было пустынно и тихо.

И вот в один из августовских дней на песчаном крепе острова стал вырисовываться новый таинственный орнамент – средневековый лабиринт из семи колец. Подол платья украсил причудливый орнамент из странных знаков. Глубокие дорожки на песке и нежные сухие веточки обозначили линии – это было уже похоже на платье женщин художника Климта или Магрита.

По лабиринту днем и ночью стали ходить люди – участники семинара и другие. Ночью ярко пылал жертвенный костер, освещая причудливые тени, звуки семи нот – До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля, Си, До – пропевались до хрипоты и с искрами улетали в небо. Шел процесс очищения. Песок лабиринта был тяжелый и вязкий, после трех-четырех кругов ноги наливались свинцом, и приходилось выйти, чтобы сделать глоток свежего морского чая и ветра для новых кругов.

По утрам в вековом сосновом лесу среди дюн все по своим избушкам чистили перышки после ночного полета в лабиринт. Море отступило от этого берега на четыре километра. Но по руслу реки Гауи можно было выйти к морю, к Балтийскому заливу. В этом месте сильное течение выносило много песка, и по широкой отмели иногда тихой рысцой проезжали всадники. Здесь река навсегда растворялась в море.

Обычно по вечерам, после дневного жара, шли к морю короткой дорогой через темный и душистый сосновый лес. Вечерняя тропа из полутьмы выходила к золотисто-розово-перламутровой огромной морской лагуне, только далеко справа и слева были узкие полосочки берега с огоньками – точками вечерних костров, чаще всего их было девять, во всяком случае, в первый вечер – точно девять. В тихое прозрачное море, медленно удаляясь от берега, к глубине, уходили дервиши, чтобы охладить свои горячие и тяжелые тела в растворе морских солей и часть тяжести и жара уходила в воду моря, и согревало его огромное тело человеческим теплом. Охладевшие и утихшие тела выходили к огню костра, и снова подогревали его снаружи и изнутри морским чаем, и снова шли в прохладу. Лес тоже получал человеческое тепло, и звуки нежного щебета человеческих голосов на ночной тропе оживляли лес до утра.

Лабиринт жил днем и ночью. То, что разрушали днем, поправляли утром, ночью опять что-то рушилось, и утром снова поправляли. В лабиринт ходили группами, группками, парами. И в одиночку.

Однажды ранним утром, после нескольких дней «подводного» плавания, я отправилась в лабиринт. Одна. У меня была там задумана работа – украшение лабиринта перламутровыми ракушками. К каждой палочке по кругам всех колец лабиринта захотелось положить, как плошечку с огоньком, створку перламутровой раковины. В руку можно было собрать не так уж много ракушек, и после каждого выхода из лабиринта мне приходилось возвращаться на остров за новой порцией. Это было довольно медленно, у каждой палочки, положив раковину, я читала Иисусову молитву, ракушки в руках заканчивались, и я снова шла на остров. Чтобы работать было быстрее, я стала наполнять ракушками карманы курточки, и так я сделала три выхода из лабиринта. Но вдруг лабиринт мне сам сказал, что не так интересно быть отличницей, что надо идти к людям, много всего неповторимого происходит каждую минуту в золотом «подводном» царстве. Надо было возвращаться в лес. С середины реки я еще раз оглянулась на остров – вороны опять бросились к знаку с глазом в середине, уселись – пока смирно. Чайки сидели на острове, на воображаемом мной подоле песчаного крепа.

Когда ранним утром я подходила к острову, вороны, шумно болтая, гуляли по лабиринту. Чайки тоже прогуливались вместе с ними, но очень деликатно. Две стаи – черная и белая – боролись за лабиринт, каждая по-своему.

Утром, прежде чем заходить в лабиринт, я вышла поправить и посмотреть таинственные знаки. Много палочек в них было вытащено. Я поправляла, выбрасывала мусор и шла к следующему. И вот на знаке с глазом, прямо на сам зрачок, была сложена целая горка лесных сосновых палочек, больше всего было следов ворон, перьев и больше всего разрухи. Птицы с высоты полета наблюдали за мной, тогда казалось, что и еще кто-то наблюдает, хотя не было ни души.

А под соснами жизнь перетекала из одной избушки к другой – «люди молча собирались группами, чтобы как-нибудь беде помочь, а потом серебряными трупами плыли в окровавленную ночь» (Е.Головин «Чёрная вода»).

Читали Космические Легенды и сказки Гауфа, и Маленького Мука, и роман Кота Константа Марса. Утром, днем и по ночам – карнавал с переодеваниями. Д. Карлос привез несколько мешков secondhanda – это был Бал. Все получили новые наряды и кутили всю ночь напролет до белой зари. Туман над лабиринтом скрывал все вокруг, и только сухие палки торчали из бескрайнего песка – мертвая пустыня, и, как мираж, розовая палатка нежно мерцала в белом молоке тумана. Утром она исчезла. Во всяком случае, днем, когда я снова пошла в лабиринт, ее уже как не бывало никогда. По лабиринту ходили несколько человек. Я прошла круг – почти все ракушки ровно лежали у вешек. Захотелось продолжить и закончить задуманную работу в лабиринте, и вдруг лабиринт открылся, он стал разговаривать со мной на каком-то своем языке, но я все понимала. Я поняла, что когда найдешь свое дело в лабиринте, то все становится очень просто. Теперь прохожу круги – выхожу, собираю ракушки, мою в реке, возвращаюсь, часть дороги иду, не нагибаясь, там уже есть перламутровые глазки – дальше аккуратно и с молитвой наклоняюсь к каждой вешке, встаю на колени, так легче двигаться. Люди обгоняют меня, но мне некуда торопиться. Лабиринт разговаривает со мной, а я с ним. Надо не только просить у лабиринта, но и отдавать, и, выйдя в очередной раз, я ухожу далеко по острову за раковинами. Вдруг вижу ромб воды. С двух его сторон гряды из песка, с двух других сторон – бревна, и в этой водной глади, как в зеркале, читаю знак: вот дно (земля), потом толща воды, потом поверхность воды и, наконец, воздух. Из верхнего мира видно все, что на дне, и привлекает внимание только то, что движется – жучок по дну ползёт, какой-то пузырек, качается. Ветер же, который проносится рябью по поверхности, дна не затрагивает, и только легкий пузырек, поднявшись на поверхность, подхватывается волнами, а по ним скользит пушинка, и вот пузырек, уцепившись за пушинку, уже подхвачен ветром и летит, и растворяется в ветре. А дно по-прежнему мертво.

Ветер пробегает еще раз, и какие-то таинственные иероглифы возникают передо мной на секунду. Я ощущаю себя Абсолютом перед магическим окном.

В другие дни я больше не видела на острове этого ромба, а тогда я собрала целую охапку ракушек в майку на животе и быстро, за один круг, закончила раскладывать перламутрики, и вдруг поняла, что конца этому делу нет – теперь можно соединить все точки, потом по второму кругу, потом орнаментом, потом в каждую положить камешек, шишечки, перышки, и так далее. До конца жизни можно разговаривать с лабиринтом. Внутри было ощущение счастья. Я вошла в реку, легла – река приятно несла меня вперед по течению, хотелось как можно тише и незаметнее плыть среди воды, даже не оставляя тени.

Когда все, что делаешь, принадлежит одной крупной идее, тогда можно далеко и надолго уходить из лабиринта, и лабиринт будет помнить о тебе, и будет ждать, и подавать тайные знаки – другой ромб, уже просто среди песка, нерукотворный.

Лабиринт

Чистое отражение неба, без единой соринки на дне, и стрекоза над водой, и ее отражение в ромбе. Я не умею еще до конца читать для себя знаки, но тогда я еще поняла, что такое единая картина, которую ты

пишешь всю жизнь, и через нее очищаешь себя. Это и есть твое зеркало. Японская и китайская тушь – доведенная до блеска каллиграфия – иероглиф – знак и текст одновременно. Для Европы это загадка.
«Лабиринт, дай мне терпения и таланта закончить иллюстрации к роману». Ответ: «Это твой кубический сантиметр Шанса – знай это и помни. Оборви лишние нити, не жалей старых связей, будут новые. За тобой слишком большой груз – брось его, как с воздушного шара, чтобы подняться выше. Не жалей ни о ком. Все придет», – все это говорит мне лабиринт.
И когда я стала украшать лабиринт, я ощутила себя творцом, а не зрителем. Володин двойник зашел в лабиринт – тот, кого я приняла вчера за Владимира, когда стояла на другом берегу – он собирался ходить по лабиринту.
Изумрудные рубашки и лодки мелькали всюду. Это ответ на мой вопрос о цвете Ордена – Изумрудная Скрижаль.

Продолжение следует

Повествование о меандровой ленте

Автор: Лена Александрова
Иллюстрации автора

Глава 1. Всё сначала

Меня восхищали деревья. Но однажды, мое времяпровождение в ветвях черемухи или старой раскидистой яблони в обществе какого-нибудь тихого мальчика закончилось, и начались игры в пиратов и в опасные морские приключения, где палубой могла стать любая поверхность, а местом у штурвала любое возвышение, даже воображаемое.

Моя настоящая жизнь была не там, где я рано вставала и выполняла то, что от меня требовалось. Первые шаги самостоятельной жизни были сделаны в образе мифического героя, в игре. Больше всего на свете я любила играть. В игре чувствовалась атмосфера восторга от того, что я все могу и разворачиваю события именно так, как это надо герою, в которого я играла.
А в обычной жизни от меня ничего не зависело, и я мало что умела.
Меня смущал этот разрыв между реальностью и воображением.
С каждым днем я все больше смотрела в окно и расстраивалась от этого понимания. Я была слишком маленькой, чтобы что-то изменить в жизни. Мне оставалось только подчиняться и ждать взрослой жизни.
Просто ждать было очень долго, и чтобы сократить время, я стала наблюдать за жизнью окружавших меня людей, начала копировать их поведение, манеры, думать и рассуждать, как они. Когда я стала так делать, то обнаружила, что могу завязать приятельские отношения буквально с любым человеком. Большинство людей зациклены на себе, и когда одеваешься, как они, и говоришь, как они, то они принимают тебя в свой круг. Через подражание я многому научилась и поняла, как живут люди в целом.

Со временем я даже научилась предсказывать своим подружкам, как будут поступать парни, с которыми они ссорились, и как надо поступить, чтобы помириться. Не только парни… потом уже кто угодно мог прийти и спросить, что будет дальше, и я вполне четко могла ответить. В какой-то момент меня научили гадать на картах, и я подтверждала свои прогнозы раскладами карт. Но радости от этого не было. Я безнадежно засыпала среди страстей, которыми жили подростки вроде меня.

Все казалось мне неинтересным и не драгоценным.

Отвлекаясь на внешнюю жизнь, я стала забывать, что хотела стать искателем опасных морских приключений, одерживать славные победы и добывать сокровища сообразительностью, разгадывая зашифрованное знание и смело проходя через любые квесты.

Я уже начала приспосабливаться и стремиться к тому, чтобы у меня просто все было хорошо. Но не очень получалось. Не могла жить тихо и спокойно. Я была несчастна. Тянуло к чему-то реальному, настоящему, а все вокруг было бутафорией. То есть декорации были, а спектакля не было.

И вот однажды в один выходной день, я безнадежно и беспомощно плакала из-за своей доли, никак не желающей быть идеальной (а мне уже нравилось рыдать подолгу, потому что я попадала в особенные тонкие пространства), как вдруг кто-то пришел и через некоторое время зашел ко мне в комнату. Сказал, что подождет меня на кухне.

Раздосадованная тем, что меня прервали, я все же умылась и вышла. Пока Джи говорил, я сидела молча. Но он говорил и говорил. Со мной никогда раньше так долго не разговаривали. Мое раздражение ушло. Я прониклась доверием к этому человеку, с которым не пришлось даже знакомиться, потому что было такое ощущение, что мы давно знакомы.

Его монолог вырос в наш диалог, и к концу нашей встречи он знал обо мне все, а я о нем ничего. Но я поняла, что он пришел за мной.

Мы обсуждали книги и сказки, которые я читала, потом он предложил отправиться в путешествие, а для этого я должна была принять определенные условия, выполнять устные договоренности и пройти необходимые ситуации, чтобы получить такую возможность. Не раздумывая ни секунды, я дала согласие принять все условия по приведению меня в рабочее состояние для работы на борту его невидимого корабля. В конце концов, можно было уже никуда не ехать – я была в восторге от этого чудесного человека, тем более, что мы уже шли вместе и говорили на одном языке так, как будто знакомы тысячу лет, а не 3 часа, как показывали часы.

Я спросила об этом у него. Он ответил, что просто кто-то подложил топор под мой компас, поэтому у меня сильно сбился курс. Именно это я и хотела услышать.

Из серой тени я за несколько часов превратилась в румяную от волнения юнгу, которую только что приняли на корабль, идущий именно туда, куда мне надо – в ПУТЬ.

Так, в возрасте 14 лет, я и оказалась на условной Палубе Корабля, подобравшем меня в мирском океане. Это было самое надежное и реальное место в мире.

Только надо было привыкнуть к тому, что она все время трансформируется. То уходит из-под ног так же неожиданно, как и появилась, то превращается в класс хорового пения, то вдруг может метнуться в накрытый стол под старым тополем.

Надо было постоянно следить за ее перемещениями и стараться не потерять. Таким было первое условие. А уж если потерялась, то нужно было знать, как снова попасть в ее пространство и время – в ее координаты.

Джи сразу сказал, что мне нужно новое имя для внутреннего круга команды и предложил мне самой его придумать.

- Я - Розовый Джо.

- Нет. Это твое прежнее, детское имя для игр. Теперь тебя будут звать Молодой Дракон, дорогая, если ты не против, конечно.

Как только я кивнула в знак согласия, Джи тут же достал из сумки 2 тома древнекитайской философии, труды С. Аверинцева, «Живопись из сада с горчичное зерно» и стихи Ли Бо.

- Все эти книги надо прочитать, изучить и законспектировать, - сказал он.

Почему именно с Китайской Традиции начался мой путь? На самом деле все просто. Моя связь с Китаем была очевидна: моя семья долго жила в Китае, а потом так совпало, что квартира в Москве выходила окнами на Китайское посольство и учиться меня отдали в интернат с углубленным изучением китайского языка.

Когда Джи уезжал в командировки по работе, я занималась изучением данных мне материалов и училась рисовать в китайском стиле по учебнику, который он мне оставил. Я погрузилась в работу с головой. От философии Лао Цзы меня невозможно было оторвать. Так началась моя жизнь. Это была моя первая осознанная самостоятельная работа.

Глава 2. Первые встречи с друзьями и учениками Джи. К чему пришлось привыкнуть.

Нагрузок, интенсивных и умопомрачительных ситуаций, а особенно провокационных обстановок было рядом с Джи предостаточно. Он весь, казалось, был начинен особенными вибрациями, что внешне выражалось в узорном и ажурном хитросплетении нашего жизненного пространства. Это происходило таким невероятным и сказочным образом, что весь смысл его лекций и бесед тут же и ложился перед нами ярким примером из сиюминутной жизни, оборачивался нужным событием или просто молниеносно проявлялся в природе.

Джи творил для нас мосты, складывал место и время переходов, чтобы мы могли пройти в особо тонкие состояния, где только и возможна передача знания и обучения, которое проходило абсолютно незаметно для меня.

Взгляды, мысли, идеи начинали оживать в особом творческом пространстве, настолько далеком от штампов и шаблонов, что все привычное и знакомое, все, чем был раньше занят мой ум – все это оставалось за бортом волшебного феномена. Наши инопутешествия требовали большой отдачи сил, здоровья, выносливости и инициативы, а не простого разглядывания и пребывания в некоем таинственном состоянии.

От нас требовалось сразу держать творческое пространство на встречах и стараться научиться действовать в нем, учиться в нем и расти одновременно.

Там, на этих встречах, к скромным возможностям учеников прибавлялись такой мощности вдохновение и сила, посланные от друзей Джи и от него самого, что все вдруг становились умнее, талантливее и сильнее, чем были на самом деле. Часто я не выдерживала этого потока, и меня или выбрасывало в сон, или заболевало горло.

Мое отношение к таким особого рода прогулкам по окрестностям под руку с мастером, когда уходит человек одним, а приходит уже совершенно другим, было крайне негативным. Стремительный и энергичный, мощный и могучий полет сознания по вертикали в обществе Джи, означал для меня падение на мой обычный уровень после его ухода.

Приходилось также привыкать к перепадам, когда мне вдруг открывались двери прекрасной гостиной с музыкой и танцами, откуда лились прекрасные звуки, где я могла танцевать и быть красавицей на балу, но всегда нужно было помнить, что в любой момент (а этот момент наступал обычно к полуночи, за час до закрытия метро), мне нужно быстро покинуть встречу и успеть вскочить в уходящий вагон.

Вполне понятно, что без Джи у меня сразу шло торможение, и чтобы поддерживать мой полет, он почти каждый день писал мне письма на открытках из разных мест, где бывал по работе. Это были темы для размышления, задания, комментарии к сказкам, отправленные, например, из Владивостока, Пятигорска или Варшавы. Если писем вдруг не было, я знала, что он вернулся в Москву и мы увидимся в выходные.

Я была уже в последних классах интерната. К тому времени круг моих чтений значительно увеличился. В него вошли труды философов и мистиков разных времен и народов, сказки, мифы, трактаты алхимиков, суфийская мудрость и русские пословицы, арканы Таро и романы Достоевского. Что удивительно - я все понимала, но если что-то все же было недоступно моему пониманию, то догадывалась интуитивно или спрашивала потом у Джи
А пока он был в отъезде я, как обычно, жила в интернате.
И снова я пела в хоре и занималась хореографией, и каждое утро девочки делали утреннюю зарядку под песню Высоцкого про физкультуру («Встаньте прямо, Руки шире…») в длинном коридоре, на паркете, который сами и натирали. На уроках труда мы там шили комплекты постельного белья, а на уроках китайского всем классом громко кричали по-китайски, повторяя за учителем, или разбирали тексты.
Мы жили в спальнях по 25 человек. У каждой девочки была своя тумбочка и место в стенном шкафу. На этаже в каждом крыле было по 3 спальни.
Интернат располагался рядом с Новодевичьим монастырем, моим любимым местом в Москве. Монастырские стены, храмы, пруд, утки, ивы у воды. Мы часто подолгу гуляли там с подружками, иногда я немного рисовала с натуры.
Оказывается, мои родители тоже рисовали там в свое время, когда были студентами художественного института, а еще, по легенде, отсюда же, из этого монастыря, мой прапрадед украл мою прапрабабушку, и они поженились.

Кроме встреч, гостей, писем, чтений, учебы и прочего, мне было дано задание вести дневник наблюдений. Там должна была стоять дата записи, день недели со значком планеты и место, где она была сделана. Должно было быть описание погоды, настроения, состояния здоровья, внутренних ощущений и внешних событий. Свои наблюдения желательно было не оценивать, а как можно точно описывать без лишней эмоциональной окраски, как можно объективнее и правдивей.
Иногда Джи просил читать эти записи вслух. Особенно его интересовало то, как несколько человек описывают одно и то же событие в своих дневниках. Его забавляло то, что описания были настолько разными, как если бы это были абсолютно разные события. В этом случае мы, его студенты, понимали, что в наших записях мало объективности и много чего от себя.

Чтобы научиться держать внимание на живом общем поле в пространстве нашей компании, особенно тогда, когда мы были в разных местах, времени и обстоятельствах, и чтобы мысленно моментально оказываться в этом поле, Джи предлагал обзаводиться талисманами. Нащупав такой предмет в кармане, или наткнувшись на него в своей сумке, я сразу попадала мысленно на наше общее воображаемое деревянное покрытие палубы. Мы играли в это. Как будто раз - и мы снова все вместе.
Когда Джи садился за стол поработать, подготовиться к важной для него встрече или просто что- то прочитать и сделать записи в небольших книжках, которые он повсюду носил с собой, он доставал свои талисманы и ставил их на стол перед собой.
Его любимыми талисманами были:
- камни с побережий разных морей, взятые оттуда им самим;
- каштаны и желуди, им самим подобранные под деревьями;
- монетки, найденные по дороге или полученные каким –то другим образом;
- иконки с изображением святых. Особенно образ св. Георгия Победоносца;
- тексты молитв; ремни, записки и открытки, на которых они были напечатаны;
- билеты из поездок, наполненных ветрами и мотивами;
- кубики для игры в нарды.

Кристаллы, бусы, книги, четки, и другие предметы так же были талисманами и помогали в разных линиях работ. Если читать молитвослов в храме и потом открыть его для чтения в метро, к примеру, то внутренняя атмосфера и внимание при чтении будут, как в храме.
Скажу несколько слов о некоторых талисманах.
Как только Джи, проходя мимо, видел где -то упавшие на землю каштаны или желуди, он останавливался, обязательно собирал несколько, подкидывал в руке, трогательно улыбался и был очень доволен, всегда приговаривая, что эти прекрасные блестящие гладкие каштаны (или желуди) обладают чудесной Возможностью и Потенциалом для Роста и Развития.
Иногда разговор о желуде переходил в лекцию, которая могла перейти затем в каскад невероятных событий и поворотов судьбы. Найти их по дороге считалось хорошим Знаком.
Также Джи всегда носил в кармане разные камешки, которые он иногда доставал и перекатывал в руке, любуясь ими. Он ставил их на поле доски для игры в нарды. Камни слышали его Девизы и заряжались Игрой.
Из поездок привозились все новые и новые камни. Некоторые он дарил, но остальные камни лежали, как драгоценности, в шкатулках, рядом с чемоданами его писем, написанных Фее.
Как ни странно, но это все работало. Как камертон. Все талисманы помогали быть сильней и уверенней, помогали держать настроение и состояние ума на нужной волне. Зажигая вечером свечу или настольную лампу, можно было положить эти предметы у света, и они там красиво лежали, отдыхали, заряжались для следующего дня или какого–то другого времени. А когда вдруг я бежала жаловаться Джи на свою неудачу, он успокаивал:
— Это не страшно, дорогая. Ты просто забыла зарядить свои талисманы, наверное. Поэтому они не работали. Надо всегда быть внимательной и не забывать ничего.
Благодаря такой его игре, я постепенно перестала постоянно все забывать и терять. В то время у меня были большие проблемы с адаптацией к окружающему миру. До 14 лет я росла без кошелька, ключей, зонтов и других предметов, которые потом трудно было носить при себе постоянно, не теряя. Представляю, сколько мобильных телефонов я потеряла бы, если они были в то время.

После приобретения мной приемлемого качества антидырявости, Джи выставил следующие условия для возможности когда-нибудь отправиться с ним в поездку.
Теперь я должна была привыкнуть к тому, чтобы самой заботиться о себе, стирать себе одежду и готовить себе еду. Со стиркой все постепенно получилось, а вот с поварским искусством ничего не выходило.
В выходные дни я могла бы подсмотреть, как надо готовить. Не просто готовить, а вкусно, со всеми секретами кулинарного искусства. Но бабушка всегда выгоняла меня из кухни, когда готовила, а больше мне негде было увидеть, как это делается. Но условие должно быть выполнено, и поэтому мне нужно было научиться ей помогать, а не просто мешаться на кухне. А кухня была еще такая маленькая, около 5 метров, и бабушка привыкла быть там полновластной хозяйкой.
По китайскому гороскопу моя бабушка - огненный дракон, а я - деревянный дракон. Поэтому в целях самосохранения не стала путаться у нее под ногами. Я ловко придумала ездить в гости к подружкам, и там научилась готовить яичницу с помидорами, делать сложные салаты из двух и более ингредиентов, а также чистить и жарить картошку. Гордая собой, я ждала случая сообщить о своем бытийном росте Джи.
- Отлично, дорогая, - заметил он. - Тем не менее, тебе нужно научиться готовить именно у своей бабушки, а чтобы смочь это сделать, тебе нужно ее полюбить и подружиться.
- Не знаю, как полюбить шаровую молнию и подружиться со Стихией шума и грохота, - ответила я. - Я люблю свою бабушку отдаленно, как бы вообще, в целом.
- Ты помнишь, что говорил Георгий Иванович? Он говорил, что прежде всего надо полюбить своих родителей, а особенно бабушку и дедушку. Без этого невозможно дальнейшее гармоничное развитие.
В неразвитой человеческой жизни все силы уходят на свары, ссоры, конфликты, треволнения, суету. Надо сказать этому «стоп».
Остановиться.
(вспомни упражнение СТОП)

И прислушаться.
Прислушаться, чтобы достичь направленного, углубленного, нерасплесканного созерцательного состояния, позволяющего раскрыться нашей Сущности, потому, что только Ей доступны Чувства Любви, Дружбы, реального Достоинства.
Для этого надо:
1. Заручиться поддержкой живых Существ, Стихиалей, Духов Природы, Гениев Времен Года. Подсказка здесь находится в русской народной сказке «Кощей Бессмертный».
2. Придумать свои собственные удачные шаги навстречу бабуле, чтобы она сразу не послала тебя куда подальше вместе с твоими чувствами.

Продолжение следует

VII. Проза

Свобода выбора

Автор: Татьяна Тарелкина, г.Петрозаводск

У графини был мелкий округлый почерк:
«Дорогой неизвестный друг! – писала она, - В годы моей юности Вы оказали мне большую услугу, приняв участие в моей судьбе. Все, что имею я сегодня – счастье, достаток и положение в обществе – всем, решительно всем обязана я Вам. Вы пожелали скрыть от меня свое имя, но я каждый день молила Господа и Пресвятую Деву о спасении Вашей души. Теперь же, на смертном одре, я завещаю своему старшему сыну Алехандро разыскать Вас и служить Вам столько и таким образом, как Вам будет угодно, дабы тем самым выразить Вам свою благодарность.
С сердечным приветом к Вам,
Иоланта, графиня Рока»

Я отложил письмо и посмотрел на юношу, склонившегося передо мной в почтительном полупоклоне.
- Алехандро ди Рока? – позвал я его. Молодой человек поднял на меня ясные, до боли знакомые глаза.
- Да, сеньор.
- Меня зовут Гонзало ди Эспада, - юноша удивленно округлил глаза, - И я вижу, что Вы уже слышали раньше мое имя. Как Вы нашли меня?

- На похоронах моей матушки Вы были печальнее всех, сеньор Эспада. А когда Вы повернулись, чтобы уйти, я заметил, что в глазах у Вас стоят слезы. Тогда я пошел за Вами и нашел Вас в этой гостинице, - с готовностью ответил Алехандро.

- Что ж, я рад был повидать Вас, юный сеньор Рока. Теперь возвращайтесь в свой дом, прощайте.

- Но сеньор! – воскликнул он, - Чем же я так не понравился Вам, что Вы отсылаете меня в первый же день? Поверьте, я буду Вам деликатным и преданным товарищем и ничем не стесню Вас!

Я невольно улыбнулся его искреннему порыву.

- Не поймите меня неправильно, Алехандро ди Рока. Послушайте, в молодости я был человеком непотребным. Картежник, повеса и разгильдяй – так звали меня люди и были правы. Отец, расстроенный моим поведением, отослал меня из Мадрида в один провинциальный городок к своему приятелю, надеясь таким образом пресечь мое пагубное влечение к игре и пьянству.

И там, в глуши, где не ожидал я для себя ничего, кроме смертельной скуки, я увидел девушку, выходившую из церкви. Взгляд ее чистых глаз остановился на мне только на мгновение, но этого было достаточно, чтобы изменить мою жизнь.

Я осторожно расспросил друга моего отца и нескольких его знакомых и узнал, что пленившую меня девушку зовут Иоланта дель Торро. Матушка Ваша происходила из старинного, но обедневшего рода, стоявшего в то время на грани нищеты, так что нельзя было с уверенностью сказать, происходит ли бледность сеньориты Торро от чистоты крови или от недоедания.

Движимый желанием помочь своей возлюбленной, я оставил однажды кошелек с приличной суммой на пороге ее дома. Однако гордый сеньор Торро, Ваш покойный дед, обнаружив мое подношение, немедленно отнес кошелек в городскую управу и на собственные деньги подал в газету объявление о находке. Тогда я попробовал подкупить нескольких торговцев, у которых семейство Торро делало покупки, чтобы те слегка ошибались в пользу интересующих меня покупателей. Но и это не дало результата – даже последний слуга из их дома не брал себе чужого, и все излишки с извинениями возвращались торговцам.

Не скрою, что две неудачные попытки изрядно разожгли мою азартную натуру. Мой следующий ход был намного изящнее, чем предыдущие. Внимательно изучив историю достославного рода, я нашел то, что мне было нужно.

И вот, однажды вечером в двери дома Торро постучал кучер и от имени своей госпожи передал, что сеньора Катарина дель Торро желает, если это возможно, свидеться со своими родными. Почтенная родственница, разумеется, была немедленно приглашена в дом, где после небольшого отдыха ее ждал весьма скромный, но по средствам семьи почти роскошный, ужин. Во время трапезы сеньора Катарина рассказала, что ездила в соседний городок на похороны своей старинной приятельницы и, пользуясь случаем, решила повидать дальних родственников, с которыми никогда раньше не встречалась. Затем добрая тетушка посетовала на свое одиночество и выразила желание купить дом и поселиться поблизости от родных, чтобы на склоне лет иметь утешение и помощь. Это предложение было встречено одобрением со стороны Вашего деда, поэтому наутро пожилая сеньора оставила ему сумму необходимую для покупки и обустройства дома, и отправилась улаживать свои дела в родную Барселону.

Через месяц она вернулась и въехала в небольшой уютный домик, расположенный по соседству с домом Торро. И, конечно, никому не показалось странным, что старушка полюбила добрую и нежную Иоланту как родную дочь, стала очень часто приглашать ее к себе в гости и делать ей различные подарки. Родители девушки поначалу корили сеньору Катарину за такую расточительность, однако та с неизменным обаянием просила простить ей сердечную слабость, и вскоре они сдались. Перемене в их отношении немало способствовали частые недомогания пожилой родственницы, во время которых ее ни в коем случае нельзя было волновать.

Таким образом, через год у Иоланты скопилось достаточно платьев и украшений, чтобы появляться в обществе. Тогда тетушка Катарина предприняла следующий шаг. Во время очередного приступа своей болезни она слезно умолила гордого сеньора Торро позволить ей обеспечить Иоланту солидным приданым и вывезти ее в свет, чтобы найти ей достойного мужа. После долгих колебаний Ваш дед дал свое согласие, и вот, наконец, красота и добродетель Иоланты дель Торро явили себя миру.

Нужно ли говорить, что за доброй сеньорой Торро стоял ни кто иной, как я сам. Много сладостных мгновений провел я, выбирая для своей возлюбленной платья и драгоценности, или наблюдая в подзорную трубу, как она вышивает у окна тетушкиной спальни. Я умело подбирал книги для библиотеки пожилой сеньоры, чтобы Иоланта могла их прочесть, будучи у нее в гостях, покупал для нее ноты и заказывал картины. Словно скульптор, прилежно работал я над тем, чтобы в скромной провинциальной девушке проявилась и расцвела великая сила женственности, дотоле скрытая в глубине ее души.

И когда юная Иоланта, наследница славного рода Торро, приехала в Мадрид, глаза ее сияли так, что прохожие останавливались и подолгу смотрели ей вслед, провожая взглядом прекрасное создание. Среди ее поклонников был и я, Гонзало ди Эспада, однако, Ваша матушка предпочла мне молодого Алонсо ди Рока, Вашего отца. Весь Мадрид пришел полюбоваться на их венчание, говорили, что мир давно не видел соединения двух столь чистых сердец.

- А как же Вы, сеньор Эспада? – подал голос молодой Алехандро, уже порядком утомленный моим долгим рассказом.

- Я? – переспросил я, глядя, как утренняя заря бросает розовый отблеск на его лицо, - Я уехал из Мадрида и всю жизнь провел в путешествиях, никогда подолгу не задерживаясь на одном месте, пока, наконец, мой поверенный не сообщил мне о кончине графини ди Рока.

- Нет, сеньор, я спрашивал не об этом, - мягко улыбнулся юноша, - Я не понял, почему Вы не открыли моей матери, что это именно Вы приняли такое участие в ее судьбе. Или почему просто не просили ее руки, а предпочли действовать столь изощренным образом?

Я не сразу ответил ему.

- Скажите, Алехандро, вы уже влюблялись в кого-нибудь?

- Нет, сеньор, я еще не любил никого, кроме родителей, - смущенно ответил молодой человек.

- Думаю, когда Вы полюбите, Вы поймете меня, сеньор Рока. Больше всего на свете я желал бы повести сеньориту Торро под венец и любить и почитать ее как супругу до конца моих дней. Но я хотел, чтобы она сделала свой выбор, не смущаясь стесненными обстоятельствами, в которые попала ее семья.

Вы можете подумать, что я слишком горд, но я всегда с презрением относился к тем мужчинам, которые приходят к своим невестам, словно яркое солнце в утлую лачугу, так что их предложение мало чем отличается от одолжения. На мой взгляд, так поступают трусы, предпочитающие мезальянс искреннему отказу. Поэтому я предварил свои ухаживания тем, что вернул Вашей матушке то, что Господь дал каждому из нас, и что жестокая судьба пыталась отнять у нее – свободу выбора.

Я ответил на Ваш вопрос, Алехандро ди Рока?

- Да, сеньор Эспада. Признаюсь, я раньше не задумывался об этом, но теперь Ваш пример послужит мне уроком в жизни.

- Одно только мне непонятно в этой истории, Алехандро. Как сеньора Иоланта догадалась о существовании неизвестного друга и его помощи? – спросил я молодого человека, указывая на письмо графини.

- О, это случилось вскоре после моего рождения, - оживился юноша, - Умерла небезызвестная Вам сеньора Катарина дель Торро и оставила моей матери солидное наследство. В память о доброй родственнице матушка решила справиться, нет ли среди ныне живущих потомков рода Торро какой-нибудь нуждающейся девушки или молодого человека, чтобы оказать им необходимую помощь и поддержку. В ходе этих изысканий вскрылось странное несоответствие – по бумагам выходило, что сеньора Катарина дель Торро много лет назад оставила мирскую суету и тихо умерла в святой обители близ Барселоны. И потому она никак не могла жить по соседству с семьей Торро и осыпать их своей милостью. Это обстоятельство очень взволновало матушку, и она приложила значительные усилия, чтобы проникнуть в сию тайну, которые, однако, не увенчались успехом. До конца своих дней она молилась Господу о благополучии и спасении души неизвестного друга, а на пороге смерти завещала мне разыскать Вас и верно служить вам так долго, как Вы пожелаете. Однако я никак не ожидал, что Вы отошлете меня тотчас же после знакомства… - закончил он, вопросительно глядя на меня.

- Нет, сеньор Торро, я не изменю своего решения относительно Вас, - твердо сказал я, - Женщина, которую я продолжаю любить и сейчас, после ее смерти, думала обо мне каждый день. Что может быть для меня

больше этого? Идите, молодой человек, и проживите свою жизнь как достойный сын своих славных родителей. Идите же…

Он никак не хотел уходить, так что мне пришлось взять его под руку и проводить до двери. Когда он ушел, и на лестнице затихли его шаги, я аккуратно сложил письмо графини и упаковал его вместе с другими вещами, поцеловал распятие и, расплатившись с хозяином гостиницы, отправился в путь.

Много лет я путешествовал с одной лишь целью – быть как можно дальше от прекрасной графини Рока, чтобы нечаянно или намеренно не выдать ей своей тайны. Отныне мне не от чего было бежать, и я, подобно своей покойной возлюбленной, обрел свободу выбирать, куда направить свои стопы. Мое сердце снова билось легко, и я был искренне рад, что моя судьба сложилась именно так, а не иначе.

* * *